

Александр КОЗИН

*г. Электросталь
Московской области*

Находка

Прошедший дождь ещё ворчал, переливался и шелестел в водосточных трубах, капал с листьев придорожных лип и вязов, испарялся под тёплым утренним июньским солнышком. Воздух был свеж и прохладен. Жадно вдыхая его, Сергей Крыльцов пытался нады-

шаться за всё лето. И улыбался. И солнцу, и умытому городу, и просто выходному, который, оказывается, бывает истинно прекрасен. Он перешёл по мосту обмелевшую полузаросшую речушку и по шербатым осыпанным ступеням спустился на тенистую прохладную улочку. У неё, конечно, было своё название, но для Крыльцова это была улица Детства. Вот и теперь с детства знакомые и уже крепко подзабытые запахи, звуки, воспоминания окружили его, взяли в прочный плен и повели закоулками памяти. Полузакрыв глаза, шёл Крыльцов самой знакомой из всех дорог и блаженно улыбался.

А вот и дом. Ветхий, в три окошка, за шербатым заросшим палисадником. В нём давно никто не жил: родители получили квартиру в самом начале девяностых. Успели. Недол-

повесть

го осталось дому: уже видны подбирающиеся со всех сторон новостройки. Косая калитка открылась лишь наполовину, и грузноватый Крыльцов, проходя в неё, опасливо втянул живот. Эх, годы! А лет так двадцать назад и через забор запросто перемахивал! Вот и узкие сени с крутыми ступеньками. Пахнет старым деревом и сохлой оконной замазкой. Налево — застек-

лённая терраса с покосившимся полом и пыльными пучками каких-то лекарственных трав на стенах. Направо — чулан с целым ворохом древнего хлама и тряпья. А прямо — кухня и две комнаты. Всё очень тесное и маленькое по сравнению с детством. И непонятно, как всё это могло казаться таким огромным... Задумчиво проходя по комнатам, Крыльцов перемигнулся со своим отражением в зеркале. На него насмешливо глянул не первой молодости мужчина с колючками первой проседи в густых тёмно-русых волосах. Язвительно-усталые морщины в уголках воспалённых от плохого сна глаз, нависающий нос с явственными си-зыми прожилками, косоватая, будто вечно виноватая улыбочка... Тьфу! Спортом заняться, что ли? А то ведь так совсем дойдёшь. И чёрта ли толку утешать себя, что вся жизнь впереди? Где он, тот рубеж, перейдя который, понимаешь, что ничего нового и интересного в твоей жизни уже не будет? Перескочишь его незаметно — и глядь — а ты, брат, уже старик. Несмотря на годы. Рано... Как-то рано всё в жизни произошло. Нет, он не жалеет. Однако и результат... Вот он. В зеркале.

Крыльцов покачал головой, тихо рассмеялся и отступил от магического стекла. Ну нет, он стареть ещё не собирается. Вот ещё! Да он ещё и детства-то своего не забыл. Где-то тут оно притаилось... И действительно, на старой этажерке болтался подвешенный за деревянный колпак, облупившийся, обкусанный Буратино и улыбался полустёртым ртом. Крыльцов рассмеялся и встряхнулся. Да, а зачем он сюда пришёл-то? Ах, за штормовкой для сына, в поход собрался, обалдуй... Да нет, это он растяпа, чуть не забыл. Старая, стройотрядовская, сейчас таких и не шьют, поди. Ну-ка, где она прячется...

Он вышел в чулан и, охваченный таинственным, с детства волнующим полумраком, задумчиво сел на сундук с тряпьем. Пахло пылью, старьём и нафталином. Косой и узкий луч света падал в маленькое — у самого потолка — оконце. Крыльцов тряхнул головой, загадочно улыбнулся, встал, поднял крышку сундука и, переждав первую, самую густую волну нафталина, присел на самый краешек. Вон

там, на самом дне, тускло блестят пуговицы дедовской железнодорожной шинели. А вот его пальтецо ранних школьных времён, с «крылышками» — капюшоном на молнии. Но где ж эта чёртова штормовка? Крыльцов нетерпеливо зашарил в сундуке, перебирая в руках старые вещи. Чей-то меховой воротник. Серая отцовская осенняя шапка-картуз. А это что? Ну-ка, ну-ка... Неужели?

Ах ты, надо же... И правда, он. Крыльцов вынул из сундука и вертел на тусклом свете почти не ношенный, но безнадежно залежавшийся серый пиджак. Когда-то он был солидным и чуть щеголеватым — глубокий шлиц сзади, коробом стоящие ватные плечи, непрорезанные петлицы. Первый в его жизни пиджак. Купленный для школьного выпускного вечера. Глаза Крыльцова как-то масляно поплыли, а на лице несмело засветилась восторженно-просветлённая улыбка. Дрогнули отчего-то руки, и пиджак издал лёгкий звон. Крыльцов озадаченно замер, сунул руку в левый карман, пошарил там настороженно и извлёк два увесистых советских медных пятака. Тусклых, ребристых, в гербах и колосьях. Хотел было усмехнуться, но вдруг остекленел взором и каменно застыл, опустив руки на колени. Будто волна, мягкая, но тяжёлая, толкнула его в грудь, пошатнула и обволокла. Перед глазами всё замутилось и поплыло.

«Когда уйдёшь со школьного двора...»

В тот день, помнится, тоже пролил хороший дождь, и Сергей, прыгая через лужи и тихонько сквозь зубы поругиваясь, спешил домой узкими, ломаными, горбатыми улицами своего маленького подмосковного городка. Ёлки-палки, угораздило же промокнуть в новом пиджаке! Ох, мать дома задаст! Пока его просушишь... И не надеть было нельзя — надо было обмять его, освоить, а то новый — как чужой, и смотрится деревянно, и самому неудобно. И выскочил-то на пятнадцать минут, до ближайшего магазина, но не оказалось там хороших сигарет, пришлось искать. И повезло: наскочил-таки на «Явскую Яву» за 40 копеек и

с боем взял последнюю пачку. Но угодил под дождь и теперь по-кенгуриному скакал через лужи, сторонясь водосточных труб, которые всё ещё лениво поплёвывали дождевой водой на тротуары. И два пяточка — сдача с полтинника за сигареты — бодро позвякивали в кармане на каждом прыжке. Дождь очистил воздух, и по всему городу плыл густой медовый запах липового цвета. Только он, пожалуй, и напоминал о том, что день сегодня не обычный. Праздничный. Может, даже торжественный. За всей канителью дней прошедших — экзаменационной беготнёй и суетнёй, лихорадочной подготовкой к выпускному с проклятой ездой по московским магазинам, за малоприятным предвкушением вступительных экзаменов в институт никак не находилось времени прочувствовать важность этого дня. И вот он. Здравствуйте. И что? Да ничего. Скорее бы уж всё началось и кончилось.

Ни грусти, ни жалости, ни ностальгии по минувшим школьным годам — ничего, приличествующего моменту, он не чувствовал. Школа и всё, связанное с нею, давно стало скучным, тесным и крепко надоевшим. Вырос он из неё, как в детстве из штанов вырастают, вырос, вот и всё. И на кой чёрт нужен ещё этот выпускной вечер, с которым столько хлопот? Вполне хватило бы и последнего звонка... Да поди попробуй сказать всё это на людях!

А дома пахло уютгом. И вообще, всё было так, будто предстоит отъезд — волнующий и дальний, как в покидаемом детстве, когда, бывало, ездили на юг всей семьёй... Не было только распахнутых чемоданов. Но зато были распахнутые мамины глаза и её голос. Испуганный и негодующий.

— Серёжа, ты что? — и мама, поставив уютгорчком, всплеснула руками и схватилась за щёки. — Промок? О, Гос-споди...

— Хорош... — язвительно протянул из кресла отец. — Вот оно, мать, уважение-то к родителям: мы тут с ног сбиваемся, парадный выход ему готовим, а он под дождём шляться изволит. Свинство, сэр. Переодеваться! Быстро!

— Давай его сюда! Да не глазей ты по сторонам, через полчаса выходить, горе моё! — и мать, подойдя, стянула с него пиджак. Тут же,

пришаркивая и попыхивая, заходил по нему горячий уютг. Наткнувшись на пачку сигарет в кармане, мать вздохнула и покачала головой. Но промолчала.

А Сергей, уже переодевшись, вертелся перед зеркалом, оправляя хрусткую белоснежную рубашку.

— Мам, ну зачем ты мне галстук этот? — деланно проканючил он. — Я же просил — не надо, терпеть не могу!

— Ишь ты! — сердито отозвалась мать, старательно орудуя уютгом. — Один раз мог бы и потерпеть, невелик труд! А ну тебя! Делай как знаешь. Ходи, как тракторист, ещё цветочек в карман сунь и гармошку на плечи. Деревня! На, держи!

И с чувством, с размаху сунула в руки сына заново отглаженный пиджак. Был он строг, солиден и веял теплом. Сергей с наслаждением облачился в него и, приосанившись, застегнулся на три важных чёрных пуговицы. Оглядел себя критически — и расстегнулся. Вот. Теперь в самый раз. Из зеркала серьёзно глядел на него осанистый вольный молодой человек с упрямым лбом, хвастливо вздёрнутым носом и серыми колючими глазами. Вид в настоящем — взрослом! — костюме был после осточертевшей школьной формы непривычен, но вполне хорош. Вот только модельная причёска, сооружённая утром в парикмахерской, как-то прилизалась. Он хорошенько взбил её расчёской и неторопливо, вальяжно вышел во двор.

Небо просветлело, ушли к горизонту тяжёлые тучи, но солнце всё ещё было затянуто сплошной облачной пеленой. По всему саду стоял мягкий шелестящий перестук капли с намокших яблоневых листьев. Пахло мокрой землёй, пылью умытых цветов, пьянящей травяной свежестью.

— Та-ак, — задумчиво и многообещающе протянул отец, вышедший вслед за Сергеем с фотоаппаратом. Был он в майке и дырявых — «огородных» — трениках. — Сейчас такой снимочек заделаем — любо-дорого... — и придиричливо оглядел сына. — Красавец... Студент... Юный гений, ядрит твою... Нет, просто так будет неинтересно. Да и букет тебе нужен, как без него...

— Да ладно, мало я их на экзамены отнёс... — пробурчал Сергей и отмахнулся.

— А вот это прекрати, — погрозил пальцем отец. — В некоторых случаях достаточно просто не быть свиньёй, когда этого очень хочется...

— Ладно, ладно, — остановил его жестом Сергей, предвзято очередную нотацию. — Иду за пионами, — и, вздохнув, покорно направился в палисадник.

— Стой! — спохватился отец. — Тебе нельзя. Опять вымокнешь — беда будет. Я сам! — и, схватив с приступка садовые ножницы, рванулся в палисадник. — На, поддержи! — и сунул с разбегу сыну в руки фотоаппарат.

Пионы были в полном цвету — тяжёлые, величавые, дурманящие. Отец более всего любил белые. Их и резал старательно и воодушевлённо, молитвенно даже. И сам он, измокший почти насквозь, и цветы были настолько живописны, что Сергей, не выдержав, навёл фотоаппарат и щёлкнул.

— Делать тебе нечего, плёнку чёрт-те на что переводишь! — заворчал отец, подходя к нему с охапкой пионов. — Ну-ка... Держи. Стой как стоишь. Сейчас... На фоне калитки. Давай откроем. Вот так! На пороге большого пути! Воодушевления побольше, что ты как лук варёный! Ага! Снимаю!

— Ох, господи, вот канитель-то... — вздохнул сквозь зубы Сергей.

— Вот так да! — раздался с крыльца мамин голос. — Я уже и нарядилась-прихорошилась, и собралась! А некоторые ещё в рванье щеголяют! Ого... А где вымок-то?

— А? — встрепенулся отец. — Ну, ты же знаешь: за сына — в огонь и в воду! Вот и принял душ. Так, вставайте-ка у ворот! Такой ракурс грех упустить...

— Да иди уж переодевайся, разошёлся! — прикрикнула мать, отбирая у отца фотоаппарат. — И смотри: больше ни-ни! Неудобно в гости-то... — уже вслед добавила она.

— Бутылку припрятал где-то, — качая головой, обернулась она к Сергею. — Вот и весёлый такой... О господи, дитё малое...

— Да ладно, — благодушно проговорил Сергей. — Пусть. Сегодня можно. А вы к

Мошковым, значит? Ольке привет от меня передайте...

— Это вряд ли. У неё ж тоже выпускной, так что... Стариковская посиделка будет, — грустно улыбнулась мать. — Ты ключ не забудь. Мы ж на дачу к ним. С ночёвкой...

— Ладно, — махнул рукой Сергей и вздохнул украдкой.

Ольку он знал с самого детства: родители давно и крепко дружили. Она как-то тихо, ненавязчиво и спокойно нравилась ему. Вот бы с кем встретиться! Но теперь, кажется, начинается новая, взрослая жизнь, они уже не родительские дети, а сами по себе, и уже не встретишься просто так, в гостях... Да, детство кончилось. И это, в общем-то, довольно грустно.

Но вздыхать было некогда. Отец облачился в свой единственный, уже поношенный костюм и приобрёл вполне солидный вид. Он шагал во главе семейной процессии и обдавал идущего следом Сергея волнами французского одеколора вперемешку с легкими флюидами отнюдь не французского вина. Время от времени он останавливался, по-дирижёрски размахивал руками, строя композицию будущего фотошедевра, и снимал сына с букетом наперевес то на фоне огромных вековых лип, то на берегу речки. А потом, уже у самого моста, отмерил расстояние шагами, закрепил фотоаппарат в рогулине корявой ивы, взвёл автоспуск и в два прыжка встал рядом с женой и сыном. Аппарат зажужжал и глухо щёлкнул.

— Эх, — благостно вздохнул отец. — Семейные фото — моя слабость. Вот, Серёга, посуди сам: есть у нас в альбоме вся наша жизнь. Ты новорождённый, у нас с матерью на руках, потом ты в детский сад пошёл, потом — в школу... А в институт поступишь — тоже сфотографируемся напослед — и всё. На следующем фото будем мы одни-одинёшеньки... Эх, жизнь! — и смахнул слезу. Кажется, непритворную.

— Да, Серёжа, — улыбнулась мать. — Вот и кончилось детство. Так быстро...

— Да будет вам уже, — устало проговорил Сергей. — Ну что вы, ей-богу... Давайте зареваем в три ручья! Самое время...

Школа была рядом, через дорогу, за мостом. Тут же, по пути, стояла автобусная остановка.

И как раз к ней подкатил автобус, из которого выпрыгивали и чинно вышагивали степенные, разодетые и прилизанные выпускники. Начались долгие здоровканья и рукопожатия.

— Привет, Серёга, — и хлопок по плечу. Это был Игорь Смолин, нерослый, но энергичный и крепкий паренёк, верный друг всех десяти школьных лет Крыльцова. Темноволосый, цыганисто-смугловатый.

— О! Игорь! Здорово, — с облегчением вздохнул Сергей. — Как ты?

— Да я что... — махнул рукой Игорь. — Старик-ки вот мои чего-то разнюнились, слёзы одни. Сам чуть было соплю не пустил, на них глядя. И вдруг думаю: а чего это я? О чём жалеть-то, собственно? Не понимаю...

— Ну, доживём — поймём. Твои-то здесь?

— А то! Вон они, уже с твоими ручкаются... Ну, сейчас пойдут сантименты! Ох, сбежать бы! — и Игорь весь скривился, как от приступа зубной боли.

— Ага! Как же... Они уже бегут нас фотографировать! — простонал Крыльцов.

— Так, ребята... Ну-ка, вставляйте вот здесь! Вы — впереди, виновники торжества как-никак, а мы — сзади, под деревом, — ещё только подходя, закомандовала мать Игоря, полноватая темноволосая и очень подвижная женщина лет сорока.

— Стоп-стоп! Не надо! — раздался из-за спин резкий звонкий голос. Все вздрогнули и обернулись. К ним подходил ещё один одноклассник Сергея — Юрка Носов, краснощёкий белобрысый крепыш, заядлый фотолюбитель, бесшумный до последнего времени школьный фотограф. В руках он держал свой выдавший виды «ФЭД», и вид у него был хитровато-азартный, как у удачливого охотника.

— Я только что вас щёлкнул! — победно объявил он. — Во-он оттуда, с самой дороги! Прекрасный групповой снимок! Живой! Хоть на выставку! Плёнка цветная, немецкая, слайдовая, еле отхватил, в очереди чуть не порвали! Ух-х, красотища будет!

— Молодчина! — похвалил старший Крыльцов. — А теперь для семейного альбома. Становись-ка, Юрик... Ага, вот так. Всем — улыбочку... Выстрел!

И тут же вслед за щелчком затвора брякнули негромким звоном часы на колокольне, и с креста сорвалась, каркнув, большая серая ворона. Игорь хмуро покосился на неё. А Сергей резко обернулся и погрозил ей вслед кулаком.

А Юрка Носов и старший Крыльцов шагали впереди всех и наперебой сыпали ядрёно-мудрёными словечками: «выдержка», «диафрагма», «экспозиция». Они явно нашли друг друга.

Торжественная часть, как и всегда, затянулась. Проникновенно, на слезе, выступали учителя, школьное начальство, родители. Прирождённый скептик Крыльцов, томясь, дивился: каждый божий год повторяется одно и то же. Откуда же столько жара в речах и непритворной влаги за стёклами очков? Что они за люди такие — педагоги, бог их знает...

Ответную речь неожиданно для Сергея произнёс Игорь Смолин. Не думал, не гадал Крыльцов, что его друг способен на такое. Он от души, очень тепло и добро поблагодарил всех учителей, а особенно — классную руководительницу Валентину Петровну, которая среди всех этих торжественностей оказалась почему-то забытой. И расцвела их тихая, неприметная и вечно чем-то напуганная «тётя Валя». С охапкой букетов, сама как осенний, посеребрённый инеем цветок, стояла она перед залом, роняла слёзы и бормотала еле слышно:

— Спасибо... Спасибо, ребяташки... Не ожидала... Честно, не ожидала...

Ну, а потом грянул в последний раз звонок, раскатистый и оглушительный, как колокол громкого боя на корабле. Вслед за ним поплыли аккорды вальса — всё того же, десять лет неизменного, — «Когда уйдёшь со школьного двора...» Он появился, когда они только пришли в первый класс. А теперь под него уходили. Всякий раз, слыша его, примерялся к нему Сергей, но ничего не получалось. Поднималась где-то глубоко в груди вымученная, мимолётная, искусственная грусть. Поднималась — и оседала, как пыль. Вот и теперь никак не доходило до души, что песня на этот раз о нём. О них. Что, несмотря на всегда открытую дверь, ничего уже не повторится. Умом это, конечно, хорошо понималось, но вот сердцу было всё равно.

Но — вот странность! — многих проняло. Вздыхнул вдруг и засопел, набычась, Игорь. Зашмыгали носами, замелькали белыми платочками девчонки. А всегда невозмутимая и спокойная Полинка Кузнецова и вовсе расплакалась. Это было настолько чудно, что Крыльцов, ошалеv, бессмысленно уставился на неё. Что творится-то, ёлки-палки? Или он совсем чурбан бесчувственный?

Уже все расходились из зала, уже загремели столами, стульями и скамьями дежурные, готовя место для танцев, а Сергей всё глядел и глядел на судорожно всхлипывающую, помидорно-красную Полинку с мокрыми пятнами на ослепительно белой блузке, на девчонок, тесным кружком собравшихся вокруг неё. Мимо проходил с букетом учитель истории Андрей Васильевич, остановился, вытянул из вораха цветов белую гвоздичку и, сказав что-то ласковое, протянул Полинке. Та сквозь слёзы изумлённо поглядела на него, взяла цветок и тут же расплылась в стеснительной улыбке. Ну совсем как солнышко при дожде. Не хватало радуги. Но вместо неё ослепительно грянула фотовспышка. И довольный Юрка Носов вскинул большой палец.

— Ух, я вот тебе! — размахисто погрозил ему кулаком учитель.

— Поздно, Андрей Васильич! — ехидно, дразнясь, крикнул Юрка, только что язык не показал. — Зафиксировано!

Седой историк хохотнул и, повернувшись, затерялся в общей суете.

А суета была та ещё. Змеились по полу, разматываясь, провода. Оглушительно пробовалась аппаратура. «Раз-два-три» — и несусветный вой и свист фونهاщей акустики. Среди толпы носился взмыленный Сашка Бочкин, школьный радист, выпускник будущего года, и, насили сдерживая ругань, умолял всех поскорее выйти из зала, иначе он ни за что не ручается. Его намокшая белая рубашка, сбитый на сторону галстук и красное, как знамя, лицо подействовали убедительно, и толпа выпускников, учителей и родителей заметно поредела.

Но в вестибюле первого этажа было ничем не лучше. Та же толпа беспорядочно и бессмыс-

ленно толкалась у вешалок. То и дело с резкими хлопками лопались под ногами разбросанные тут и там воздушные шары. Родители собирались уходить, поспешно тараторя напутствия остающимся на ночь детям.

— Ну, Серёга, бывай! — хлопнул Крыльцова по плечу отец. — Гляди, осторожнее с этим... — и выразительно щёлкнул себя по горлу. — А то и вспомнить-то нечего будет. Выпускнику разрешается быть мечтательным, чуть грустным и немного — совсем немного — выпившим. Слышишь?

— Правда, Серёжа, — укоризненно покосившись, вторила мама. — Ты уж будь благо-разумен, ладно? Держись с Игорем. Он не подведёт!

— Да ладно, ладно уж вам, — с усталой досадой бормотал в ответ Сергей. — Сами там не очень-то!

— Не посраим! — проскандировал отец, и Крыльцовы-старшие чинно, под ручку покинули вестибюль.

Сергей облегчённо вздохнул. Было ему чуть стыдно собственной чёрствости, но ничего поделаться с собой не мог. Сколько можно... Хватит уже. Выросли мы.

Огляделся, пытаясь найти Игоря. Не уви-дел. И не слишком огорчился. Да, за десять лет «не разлей воды» привыкли друг к другу. Но пора и честь знать. Хотелось чего-то нового. Новых людей, впечатлений. Новой жизни, в конце концов. Она стоит где-то там, за порогом. Стоит и ждёт его. А он никак не выпутается из старой. Друзья... Да куда они не денутся, друзья. Будет нужен — найдут.

Канитель

Никакой новой жизни за порогом школы не было. Крыльцов ещё раз тоскливо огляделся и отправился курить. Он мог бы и не ходить никуда. Никто бы и тут ему сегодня слова не сказал. Но курить у входа считалось дурным тоном, и Сергей скрылся за сараем. Это было место, облюбованное несколькими поколениями школьных курильщиков. Учителя не ходили сюда: делали вид, что ничего

не знают. Им лишь бы на крыльце не курили. Когда-то неподалёку, прямо за школьным садом, жил основатель школы и первый директор Полынников. Вот он, говорят, специально ходил с хворостиной, и горе было попасть ему под руку. Но это было уже в незапамятные времена.

Эх, и вкусна же была «Ява»! Терпкий, но не едкий, необычайно приятный на выдохе дымок, чуть отдающий, казалось Крыльцову, орехом, вызывал истинное наслаждение. Ничего лучшего тогда в Союзе, кажется, и не делали. Сергей, прислонясь к стене сарая, мелко затягивался и пускал кольца. Они медленно плыли вверх и, казалось, нанизывались на яблоневые ветви. Эх, чёрт возьми, свободная жизнь! Надо же — не будет больше этой школы, уроков, учителей, экзаменов... Господи, наконец-то! И какие там слёзы расставания... Чушь девчоночья! Да, будет много всего другого, может, и не всегда лёгкого и приятного. Но другого. Скорей бы уж!

— Серёга! Кончай курить! — раздался у самого уха шипящий змеиный шёпот. Крыльцов вздрогнул и повернулся. Из-за угла сарая выглядывала хитрая рыжеволосая рожа Паши Рогова из параллельного класса. — Ишь, раздымился как самовар...

Рогов махнул рукой из-за спины и повернул голову.

— Нормалёк, мужики, тут свои!

«Мужиками» оказались, конечно же, Колька и Витька из крыльцовского класса. Недалёкие, туповатые парни, кое-как дотянутые до выпуска. С репутацией отменных хулиганов. Пожар в кабинете химии — они. Красный, натёртый свёклой нос у статуи Ленина перед школой, политическая диверсия — они. Драка в городском парке — тоже они. Всегда только они. Но за ними тенью стоял хитрый Паша Рогов, который всегда умудрялся остаться ни при чём. А они тупо молчали и не выдавали предводителя. Вот и сейчас эти «роговские пешотинцы» молча стояли и недружелюбно поглядывали на Крыльцова.

— Серёга, давай дёрнем! У нас тут заначка. За свободу! — подмигнул Паша.

Крыльцову, размякшему от сигареты, сво-

бода казалась желанной и долгожданной. Но он её, по правде, пока не чувствовал, а уж пить за неё и вовсе не хотел. Тем более в такой компании.

— Не рановато? Ночь впереди... — пожал плечами Сергей.

— А мы пока по пивку... — бормотал Паша, встав на коленки и шаря обеими руками под сараем. — Ага, вот... А на ночь у нас и водчонка имеется, так что... Ну, как знаешь. Потом не предложим!

— Паша... Чего ты распинаешься... Он же теперь знать будет... — тоскливо глянул в сторону Крыльцова Коля. — Придёт — и выжрет... Знаем этих непьющих...

— Да? — озадаченно оглянулся Паша. — Ничего. Серёга — человек. Я его с детского сада знаю... Держи... Держи... Ещё держи... Серёга, последний раз: будешь? Ну и хрен с тобой. Чем меньше нас останется...

— Тем больше каждому достанется! — весёлым басом подхватил Витька.

Раздалось пшиканье откупориваемых бутылок, и Крыльцов, затоптав окурок, вышел из-за сарая. Скучно. Господи, как же скучно! Домой, что ли, пойти? А что там делать? Да и не поймут. Эх, канитель! Ладно, подождём пока. Глядишь, и распогодится.

Уже в вестибюле слышен был сотрясающий грохот музыки из спортзала. Радист Бочкин наладил-таки свою шайтан-шарманку. Ещё бы громкость научился регулировать, если даже тут на уши давит, то что же в зале делается? Нет уж, ну их с этими танцульками, оглохнешь ещё на пороге новой жизни... Так. Не заглянуть ли в столовую? Зря, что ли, на стол скидывался... Ну-ка, ну-ка...

Нет, скидывался не зря. Огромная, разноцветная буква «Т» простиралась от самого входа до противоположной стены. Апельсины в вазах. Десятка полтора тортов «Полёт». Пепси-кола. Шампанское. Батюшки, а вот и Игорь Смолин! Сидит во главе стола, торт лопает. И четыре девчонки из параллели «а» чуть поодаль косятся на него и смешливо фыркают в чайные чашки.

— Приятного, — буркнул Сергей, подсаживаясь к Игорю.

— Угу... — сквозь набитый рот промычал Смолин, проглотил и, взяв бутылку, набулькал Крыльцову полный стакан пепси-колы.

— А наши-то все где? — прихлебнув, тихо спросил Сергей.

— А вон, слышишь? Аппетит натанцовывают, — усмехнулся Игорь. — Сейчас придут — и фьють! Только и видали. Ещё и не всем достанется. Вот я и решил подзаправиться, пока никого. И ты давай налегай. Ночь длинная. Проголодаемся как кощеи. Будем бродить по городу и жрать прохожих! — рывкнул он явно на публику. Девчонки звякнули лёгким хохотком. — Вон и Инночка Полунина тропическими фруктами закусывает... Инка! — крикнул он в конец стола. — А ты апельсинов в шампанском не пробовала? Самое то!

Крыльцов только сейчас заметил, что девчонки из класса «а» не четыре, а три и одна. Отдельная. Рядом, но будто не с ними. Тихая, почти незаметная. Не подскажи ему Игорь, он бы и не вспомнил, как её зовут. Он знал её лишь визуально. Но сегодня её и так не узнаешь: ишь, вырядилась в белое платье с кружачиками, моль, да и только! Чего они так рядятся, будто разбирает их... И перед кем! Будто их тут не знают! Как облупленных. Разве что не раздетых. Впрочем, в отношении некоторых Крыльцов не был в этом твёрдо уверен.

Услышав Игоря, Инночка отчаянно замаха-ла руками, будто отгоняя комаров. А одноклассницы дружно хохотнули ещё раз. На лице скромницы легонько зарумянился конфуз, и тёмные пристальные глаза с укором глянули на Смолина. Игорь невозмутимо орудовал чайной ложкой и мощно двигал челюстями. А вот Крыльцову стало на миг неуютно. Из-за злых и гадких мыслей, которые этой девочке уж никак не причитались. Впрочем, ему-то что... Он почти всех тут видит сегодня в последний раз. Завтра эта страница будет перевернута, и нечего тут переживать.

— Ладно, — натянуто улыбнувшись, кивнул он Игорю и легонько прихлопнул по плечу. — Ты тут заправляйся, заигрывай с девицами, а я пошёл. Надоест — найдёшь.

— Угу... — глухо, сквозь торт-безе, полетело ему в спину.

Пошёл... А куда, спрашивается, ты пойдёшь? Не в спортзал же на этот, прости господи, свальный грех, именуемый танцами? Крыльцов, поморщившись от сотрясающих звуков, миновал спортзал и, пройдя коридор, оказался в малом вестибюле. Надо же, тыщу лет сюда не заходил. Да и незачем было: тут малышня раздевается. Сам три первых года одежду во-он на тот крючок вешал. Пальтишко, шапку да мешок с обувью. Да-да. Переобувался. На этой самой скамейке. Сергей медленно, раздумчиво опустил на неё и застыл в позе роденовского мыслителя. Он тогда уже ловко управлялся со шнурками. А вот Юрка Носов плоховато. Каждый раз подолгу возился, пока не приходила на помощь бабушка, каждый день забиравшая внука из школы. Ох, и смеялись над ним одноклассники! Через пару месяцев ему надоело. И шнурки каким-то чудом покорились, и бабушка в школе не появлялась больше. Но встречала внука у автобусной остановки. И, если кто-нибудь видел это, Юрка краснел до ушей и шёпотом чертыхался. А ватага уморительно-серьёзных первоклашек с портфелями и ранцами степенно шествовала через мост, к площади, и до чего же каждый был умён, солиден и уважаем!

Крыльцов, мягко улыбнувшись, поднял голову. Свет в раздевалке был тускл и неверен. Тишина... Необычная для этого места тишина и пустота... И будто слышатся голоса. Топот, грохот, визг, строгие окрики учителей... И всё это туманится и расплывается вдруг. Будто спрашивает его: «Ну куда, ну зачем ты уходишь? Здесь же так хорошо...»

Сергей встряхнулся. Вернулась чуть приглушенная, но всё равно назойливая какофония дискотеки. Он рывком поднялся со скамьи. Ну их, эти воспоминания. Лишние сантименты. Не о чем жалеть. Не о чем. Ну разве что пройти напослед. По тихим школьным этажам. Песню уважить. А там и домой можно, в самом-то деле.

И медленно, будто прощаясь с каждой ступенькой, поднялся Сергей на второй этаж. Состояние было каким-то непонятным. И глаза тут ни на что не смотрели. И не жалко было ничуть. А всё же тянуло что-то за душу.

Будто оставляешь что-то — ненужное вроде бы, но милое сердцу. Чуть грустно, чуть горьковато... Затихшая и пустая, сотрясаемая прощальной дискотечной школа походила на ту бабушку у остановки. Как же вы, мол, теперь без меня, ребятки...

Два одиночества

На втором этаже было пустынно. Было бы тихо, кабы не грохот дискотеки внизу. Этот этаж был образцово-показательным: тут всегда дежурили учителя, сюда водили комиссии, здесь были кабинет директора и учительская. Даже идти по коридору можно было бесшумно: на полу лежала ковровая дорожка. Ну не школа, а прямо дворец... Если не подниматься выше. Так! А кто это там, у окна? Неужели...

Сергей аж остановился. У тёмного уже окна возле кадки с вечно умирающей пальмой белела одинокая девичья фигурка. Белое, чуть выше колен, платье, опущенные плечи... Ёлки-палки, да это же та самая Инна Полунина, над которой давеча Игорь потешался. Управилась, значит, с апельсином — и сюда? Тоже подальше от шума и бестолковщины? Вот так да, родственные души...

Хотел было развернуться и уйти — мало ли, может, надо ей одной побыть, а тут он. Но эта мысль показалась ему малодушной. А вдруг беда какая у человека? Вдруг помощь нужна? А уйти он всегда успеет, если поймёт, что не нужен. И ещё. Было у Крыльцова какое-то непонятное чувство вины перед ней. Тогда, в столовой, он нехорошо о ней подумал. И был пристыжен её взглядом. Взгляд адресовался Игорю, но стыдно стало ему, Крыльцову. И теперь хотелось... Нет, не извиниться. А хотя бы сказать ей что-нибудь. Хорошее и ободряющее. Да, но как начать? Он и с одноклассницами-то никогда не был слишком накоротке — как-то не нужно было, а уж с соседским-то классом... Шёл по-прежнему бесшумно, крадучись, будто спугнуть боялся. Но не спугнуть, а опростоволоситься неуклюжим обращением. А она всё ближе. Невысокая — ему до под-

бородка, кажется, но гибкая, платьице изящно приталено, как у балерины. Густые и — он помнил — всегда длинные каштановые волосы были уложены в высокую причёску и схвачены хитроумными заколками. Девушка, казалось, глубоко о чём-то задумалась. Сергей видел лишь её висок, часть щеки и уголок правого глаза с влажным отсветом фонаря за окном. Всё ещё колеблясь и раздумывая, то и дело нескромно переводя взгляд вниз, на её ноги, целомудренно затянутые тонкими бежевыми колготками, и лёгкие — в два ремешка — босножки на маленьких узких ступнях, он поравнялся с ней. И тут она легонько вздрогнула и резко обернулась.

— Серёжа... Ты? Ой, а я думала, опять этот Смолин... Добывать меня пришёл. А это ты... — пролепетала она с лёгким стеснением. При этом она как-то неестественно держала правую руку у груди.

— Я... Как видишь... — облегчённо улыбнулся он. Кажется, повезло. Первая начала. — А чего Смолин? Совсем расхамился?

— Да я сама виновата... Ела апельсин, забылась... Откусила, а он как брызнет! Ну и... вот, — Инна опустила руку. На груди было заметное жёлтое пятно и следы мелких брызг. — Что мне теперь дома скажут, поди отстирай это... А тут ещё Игорёк этот... На всю столовую: «Эх ты! Тяпа-ляпа!» Ну, я не выдержала, сбежала...

— Вот негодяй... Да ты не расстраивайся, ерунда... Отстирается. Ничего... — говоря это, Крыльцов вглядывался в её лицо и чувствовал, как непрошенная улыбка так и скачет по его губам. А ведь она хорошенькая, эта Инночка... Высокий лоб, тёплые карие глаза под тонкими бровями, чуть капризные, сжатые в ниточку губы. Как он раньше-то ничего этого не замечал... Вся эта лирика, по правде говоря, и сейчас была бы ни к чему, но он почувствовал неожиданное воодушевление. И не очень понятную радость, что здесь оказался именно он. А не Игорь Смолин. И ещё более странную словоохотливость.

— Ничего-ничего... Со мной в прошлом году — как раз первого сентября — тоже конфуз случился... Дома, правда. Собрался в школу, белую рубашку надел... А на столе помидор ле-

жал. Спелый. Ну, я тоже как кусану... А он как дри... то есть брызнет! — успел поправиться он. — Ну, скандал... А ничего. Отстиралось...

Инна громко прыснула и зажала рот ладошкой. Он видел только глаза — яркие, как две спелые вишни. Они горели и хохотали. А ведь только что были на слезе.

— Думаешь, обойдётся? — всё ещё из-под ладони приглушенно спросила она. — Хорошо бы...

— А что? — участливо спросил Сергей. — Строго у вас?

— Мама... — тяжело вздохнула Инна. — Отец-то ничего не скажет, а вот мама... Она ж сама это платье шила. Расстроится, конечно...

— Ну, ничего. Такой день раз в жизни. Думаю, поймёт. Ерунда. И вообще, чего ты? Ну неужто этот поганый апельсин и какой-то Смолин способны испортить тебе такой вечер? Все веселятся — вон, слышишь, аж стёкла дрожат, а ты... — попытался подбодрить её Крыльцов.

— Да ну его, такое веселье... — легонько отмахнулась Инна. — Не люблю. И не в апельсине дело. Тут как-то всё смешалось некстати... Понимаешь, пустота какая-то. Жили себе, жили десять лет — и вот тебе. Всё. Расстанемся — и будто не было ничего. До меня дошло-то только на экзаменах... Раньше не задумывалась. А тебе не грустно? — и две налитые вишенки вскинулись на него вопросительно и беззащитно.

— Да нет почему-то... Или, может, чуть-чуть, — слегка смутился Сергей. Не от вопроса даже. От взгляда. — Но это пройдёт, по-моему. Мы ведь давно уже все сами по себе. Свои интересы, свои дела. Не замечала? Выросли мы, вот в чём штука-то...

— Жалко, Серёжа... Детства жалко... — протяжно вздохнула Инна и, сжав губы, отвернулась к окну.

— И всё же просится слеза... — с понимающей улыбкой продекларировал Крыльцов.

— Ага... — стеснительно кивнула девушка, огляделась, достала платок и промокнула глаза. — Всё-таки другого ждала. Вечера воспоминаний, гуляний до рассвета... Обещаний не забывать друг друга, встречаться, переписываться. Понимаю, глупо...

— Но что ж поделаешь — мечта, — развёл руками Сергей и рассмеялся. — Ты знаешь, я, по правде, ничего такого не ждал, но красиво было бы. А тут дискотека эта дурацкая, пляски... Нет, это, может, и хорошо, но... Разобщает как-то.

— Многим так легче, — пожалала Инна плечами. — Это ж нелегко — взять и расстаться с детством. Навсегда... Слово-то какое — «навсегда» — аж страшно! Это, кажется, все поняли уже. Вот и пляшут. Чтoб не так больно. Жаль, я так не могу...

— Я тоже... — вздохнул Крыльцов, искоса вглядываясь в неё. Это что — судьба так шутит? Надо было десять лет проучиться бок о бок, чтобы в последний день встретиться и просто по-другому взглянуть друг на друга? Вот она — только руку протянуть. Не болтунья и пустышка, а настоящая взрослая девушка, способная всерьёз понравиться! — Это... Не расставание, по-моему, — через силу проговорил он. — Это, по-моему, предательство. Кто-то уже наклюкался. Кто-то только собирается. Кто-то натанцует до полного упада, вот воспоминаний-то будет... На всю жизнь!

— Дурость, вот и всё, — отмахнула головой Инна. — Скучно. Знаешь, Серёжа, я, наверное, домой пойду. Ты... проводи меня, ладно?

— А... — чуть не поперхнулся Крыльцов. — Нет, я — пожалуйста, ты не думай. Но погоди. Ты что же — вот так и позволишь испортить себе праздник? Вот что, Инна, — нерешительно подвигав скулами, собрался-таки с духом он. — Раз уж так всё получается... Давай хоть мы с тобой проведём вечер так, как мечтали, а? Если ты, конечно, не против... Моего нудного общества...

Еле договорил, почувствовав, как горячо зарделись щёки. Инна, покосившись на него, тихонько улыбнулась и опустила глаза, настойчиво колупая ногтем отставшую краску на подоконнике.

— Я не против, Серёжа, — еле слышно пролепетала она после натужной паузы. — Хочешь честно? — и самоотверженно шагнула к нему. — Я так и хотела...

И, стремительно отпрянув, глянула на него испуганно и осторожно улыбнулась.

Крыльцов стоял и моргал. Ошарашенно и упоённо.

И вдруг они оба вздрогнули от резкой слепящей вспышки позади. Сергей обернулся. Мимо них с важностью индюка проследовал с фотоаппаратом наперевес Юрка Носов. Миновал — и резко прибавил шагу.

— Стой! — бросился было за ним Крыльцов, но опомнился. — Ух-х, попадись мне! — крикнул он на лестницу вслед сыплющимся по ней деланно-перепуганным шагам.

— Ну, вот и попали... В историю, — усмехнулась Инна, когда взволнованный Сергей вернулся к ней.

— Да ерунда, — отмахнулся он. — Напугал, зараза... Ничего, заставим его на крупном формате отпечатать. Пусть помучается... Слушай, Инка, давай-ка уйдём отсюда. А то ещё кого-нибудь принесёт. Вот только куда — ума не приложу...

— А пойдём наверх? Там уж точно никого... — как-то странно, пытливо и озоровато, чуть искоса глянула на него девушка. — По классам побродим, повспоминаем... Пошли! — и тихонько потянула его за руку в сторону лестницы. Воспоминания уж никак не прельщали Сергея, но сила притяжения оказалась непреодолимой, и он послушно пошёл вслед за ней.

Притяжение

Так тихо было, что Инкины каблочки, казалось, слышались даже на улице. Широкие — метра в четыре — лестничные пролёты, таинственно посверкивающий витраж на третьем этаже... Поворот — и каблочки глухо и степенно застучали по фигурно выложенным дощечкам паркета. Грохот музыки едва долетал сюда. В огромном коридоре стояла тишь. Строгая и непоколебимая, как тригонометрия. Только из туалета за спиной доносилось еле слышное журчание воды.

— Ну, вот тебе и пещера Али-Бабы... Симсим, откройся... Даже водопад есть, слышишь? — пробормотал Сергей. Он и волновался, и чувствовал непонятное вдохновение: хотелось учинить что-нибудь этакое...

— Какой водопад? — у самого уха прошепта-

ли Инкины губы. Она повернулась, и голова на секунду легла ему на плечо. Рука Крыльцова несмело, чуть трепыхаясь и то и дело опадая, как подбитая птица, приобняла девушку за талию. Он не видел, а почувствовал, как дрогнуло её лицо. Инна, чуть помешкав, отшагнула в сторону.

— Ну... и где? Водопад? — нервно сглотнув, пересохшим голосом выдавила она. И тут же прыснула и тихо, всхлипами, рассмеялась, крепко вцепившись в его руку. — А я думала, правда водопад...

— Правда и есть, — голос Сергея тоже не отличался твёрдостью. — Падаёт же вода...

— А ну тебя... Пойдём!

— А не страшно? Тут, говорят, такое по ночам бывает... — чуть колыхнул голосом Крыльцов. — Только всё стихнет... Нет, лучше не надо... — решительно покрутил головой и деланно вздрогнул.

— А что? А что? — задёрнула его за рукав Инна. — Ну, расскажи!

И две маленькие тёплые искорки в темноте. Снизу вверх. И будто склянка тепла лопнула в груди. И меньше всего хотелось сейчас говорить. Только смотреть и смотреть на эти искорки, лишь бы не гасли они...

— Рассказать? — лениво, страдальчески выдавил он. — Ну, смотри, я предупреждал. Говорят... — и Сергей опасливо огляделся в темноте. Голос стих до шёпота. — Говорят, Полынников тут по этажам бродит, Николай Алексеевич...

— Что? — вздрогнула Инна. — Да ну, ерунда... Он же умер давно! Мы ещё классе во втором учились... — и подалась к нему. Правому плечу Крыльцова стало вдруг мягко и тепло.

— В том-то и дело... — со зловещей обречённостью в шёпоте продолжал Сергей. — И вот — чуть только за полночь — выходит. Из запасника на втором этаже, там, где лестница пожарная. Ходит по этажам, по классам и всё вздыхает, вздыхает...

— Ну! А чего вздыхает-то? — прошептала Инна в самое ухо. Жар от её волос и лёгкий, шальной, еле уловимый незнакомый запах духов одурманили его. Начала странно — с замиранием сердца — кружиться голова, всё куда-то несло, и казалось, всё на свете можно и достижимо.

— Вздыхает? Кто? А... — насилиу вспомнил он, о чём только что говорил. — Да вот, вздыхает. Не нравится ему. Запустили, говорит, школу, распустили... А то ли ещё будет... Ох, говорит, будет! И тут же исчезает, как в воздухе растворяется... — слабел от слова к слову его голос. В конце концов Сергей рассердился на себя, шагнул в глубь коридора и, чуть придя в себя на лёгком сквозняке из форточки, отвердевшим голосом спросил:

— Инка, что у тебя за духи такие? Прямо пьяные...

— Нравятся? Нет, правда нравятся? Не очень резко? А вот как называются... — вдруг поникла она и развела руками. — Не запомнила... Французское что-то. У сестры двоюродной выпросила подушиться...

— Ну, ясное дело — не наше... — критически буркнул Крыльцов. — А я бы назвал их знаешь как? Притяжение. Да, точно. Притяжение. Или очарование... Ты не знаешь, как это по-французски?

— Откуда? — горестно пожала она плечами и вздохнула. И тут же пристально взглянула на него. — И ты... Ты хочешь сказать, что тебя ко мне... притягивает? — заметно покачнулся её голос.

— Не знаю... — пролепетал Сергей, чувствуя, как горячо становится щекам, ушам и шее. Хорошо, что темно... — И... Ну его, не будем об этом. Разговор какой-то... Не коридорный...

— Правда уж... — и в шёпоте девушки почувдилось ему облегчение. — Так чего Полынных-то?

— Полынныхов? — удивлённо глянул на неё Крыльцов. — А чего — Полынныхов? Он же давно...

Инна прыснула в обе ладошки.

— Эх, ты... Нет, духи и правда хороши. Теперь ясно. В следующий раз запишу! Пойдём, очарованный! Мы ж по этажам погулять хотели!

Медленно, держась за руки и словно пробуя ногами пол, будто по болоту, крались они по тёмному, в огромных косых квадратах тусклого фонарного света коридору. Крыльцову всё казалось, будто кто-то смотрит на них из тёмных углов и еле терпит, чтоб не расхохотаться

на всю школу. Что-то похожее, вероятно, чувствовала и Инна. На пути, слева, была глубокая ниша дверей кабинета географии. И они, не стовариваясь, как две мышки, шмыгнули в неё.

Здесь было совсем темно. Только внешние углы проёма лениво посверкивали белой глянцево-эмалью. Сергей на ощупь тронул дверь. Заперто...

— А нам туда нужно? — услышал он влажный, горячий шёпот прямо в ухо.

— Не знаю... — снова замер он, околдованный близостью. — Мне — не очень...

— И мне... Чего не видали-то за столько лет? Глобуса? Или портрета Пржевальского? — и лёгкое придыхание в шёпоте. Будто взбежала она только что по лестнице со второго этажа.

— Может, пойдём тогда?

— Нет, подожди... Постоим. Тут так хорошо... И никого... Руку дай. И другую... Вот так... Серёж, а чего у тебя глаза блестят?

— И у тебя... блестят... — пробормотал он, перехватывая Инну за тонкие, мягкие запястья. — Ты... Хрупкая какая-то... Сломать страшно, — отважно признался он.

— Как хрустальная ваза? — прыснула девушка. — Не бойся. Не сломаешь... У тебя руки... бережные, — нервно сглотнув, подобрала она слово.

— Правда? — прошептал он непослушными губами. — Никогда не думал... А можно, я...

Две пронзительные искорки отразились в его глазах. Пытливо и настороженно. И тут Инна вдруг замерла и легонько отпрянула.

— Тихо... На лестнице... Слышишь?

Крыльцов вздохнул и прислушался. Да, шаги. Кто-то бежит вверх. Дробный перестук каблучков. Голоса...

— Да ладно... Не сюда... — лениво выговорил он и снова поймал её руки. — А сюда — так не заметят, темно же...

Только сказал — и топот ворвался на этаж. Звуки... Неясные, приглушенные, смесь голосов и непонятных всхлипов. Голоса девчоночки. И шаги тоже. Только на высоких каблучках можно так грохотать по деревянному полу.

— Белогривые лошадки... — досадливо прошипел он. — Нигде покоя нет. Не пляшется им...

Инна, ни слова не говоря, крепко сжала его ладони. Но всё стихло. Хлопнула дверь одного из ближних к лестнице классов. Там глухо задвигались стулья.

— Ну вот, видишь... Обошлось... — шепнул ей в удивительно близкое к губам ухо Крыльцов.

— Подожди... Слышишь? — напряглась как струна Инна. — Ревёт кто-то... Пойдём. Вдруг случилось что?

— Да мало ли... Разберутся... — придержал её за плечо Сергей, но она вывернулась.

— Пойдём... Не могу я тут... — будто взмолилась она с утомлённым напряжением в голосе.

Дверь кабинета математики была приоткрыта. Из темноты, как ветерок в листве, доносились шепчущие голоса, прерываемые громкими резкими всхлипами и долгими дрожащими вздохами с жалобными пристонами. Инна резко обернулась и взглянула ему в лицо. Крыльцов, чуть помешкав, непонимающе пожал плечами и, шагнув вперёд Инны, распахнул дверь, вошёл и щёлкнул выключателем. Нехотя, в мерцающую раскачку, вспыхнули на потолке лампы дневного света, и тут же раздалась девичьи взвизги и возмущенные возгласы. Щурясь от внезапного света, к нему, сердито стуча каблучками, подбежала лёгкая, воздушная и мечтательная Маша Ярцева. Позади неё стайка девчонок окружила переднюю парту приоконного ряда, за которой, закрыв отчаянно красное лицо руками, сидела Наташка Маленина — импульсивная и непредсказуемая особа из Инкиного класса. Узнал её Сергей по густым медно-рыжим волосам, щедро спадающим на мучительно вздрагивающую спину. Девушки досадливо замахали на него руками.

— Серёжа... — тихим, прерывающимся голосом зачастила Маша. — Ты зачем здесь... Ты зачем сюда... Тут нельзя...

— А что такого-то? Голых вроде нет... — счёл нужным подурчиться он.

— Крыльцов, не юродствуй! — раздался низковатый, громкий и певучий голос Вики Веливановой. — Будь человеком, выйди! Женский разговор... И свет погаси!

— Да что вы, ей-богу! Затеяли конспирацию, ёлки-палки! Наташка! Говори, кто обидел? Поймаем и побьём!

Наташа отняла руки от лица и зарёванными, как полноводные озёра, глазами просительно поглядела на Сергея. Он никогда не видел таких слёз. Крупные, как горошины, сбегали они по её круглому нежнокожему веснушчатому лицу и падали на белую материю кителиеобразной, изящно приталенной блузы. Крыльцов пожал плечами, капитулирующе поднял руки и, ободряюще кивнув Наташе, выключил свет и вышел в коридор.

— Ну? — вывернулась из-за угла Инна.

— А... Иди сама разбирайся, — махнул рукой Крыльцов. — Я ничего не понимаю. Меня выгнали.

Решительно тряхнув головой, Инна скрылась за дверью. Сергей, вздыхая, неприкаянно заслонялся по коридору. Плашки паркета устало покрякивали и поскрипывали под его шагами. Он никогда не думал, что здесь скрипит пол. Это было открытие, которое можно было сделать только сейчас, в тишине. Только в последний, прощальный день... И отчего-то вдруг защемило в груди.

Всхлипы в кабинете математики стихли. Рыжая конопатая Натали, кажется, успокоилась. Минут через пять из двери бесшумно выплыла Инна. Губы девушки были смешливо сжаты, а глаза непонимающе расширены. Не выдержав, она прыснула и тихо рассмеялась.

— Чего ты? Что там стряслось-то? — нетерпеливо шагнул к ней Крыльцов.

— Да что... — передёрнула плечами Инна. — Обычный заскок. Никто-то нашу Наташеньку не любит, никому-то она, такая красивая, не нужна, и даже некий Толик на дискотеке её не заметил и танцевал с Ирой Прилепиной... В общем, жизнь не удалась, вечер безнадежно испорчен...

Сергей фыркнул.

— Толик какой-то, чёрт его знает... — проворчал он. — Ну и? Чем сердечко-то успокоилось?

— А ничем. Само. Поревела — и прошло. У нас просто, — подмигнула Инна. — Решила назло всем танцевать со Славой-гитаристом. Вот так-то.

— Ага, как же. Славка-то нарасхват. Популярен... Он, небось, занят на сто танцев вперёд.

Не вышло б хуже... — смешливо поскрёб в затылке Сергей.

— Ну, она упрямая. Добьётся. А ну их всех, скучно! — скривилась Инна и махнула рукой.

— Вот уж правда... Инка, а пошли на четвёртый? Там-то уж точно никого. Кому охота лезть?

— Да? — поджала губы Инна и искося, с подозрением оглядела Крыльцова. — А что мы там будем делать?

— Ну... — чуть смутился Сергей. — Ходить тихонько... Разговаривать шёпотом...

— И всё? — не выдержав, рассмеялась девушка.

— Конечно... А разве кто-нибудь сомневается? — грозно огляделся Крыльцов.

— Ну пошли... Раз так.

Выше третьего этажа лестница не освещалась. За ненадобностью, наверное. Держась за руки и смешливо переглядываясь, они чинно, совсем как десять лет назад, шагали по ступенькам. Вдруг снизу раздался торопливый топот и на третий этаж, деловито переговариваясь, выскочили Лёша-Архимед и Дима Чекунков, ребята из крыльцовского класса. Увидев Сергея с Инной, они на миг замолкли и переглянулись. Ноги будто сами понесли их в коридор, но Дима, хлопнув себя по лбу, остановился.

— Серёга! Вон ты где... — крикнул он наверх. — Слушай, мы думаем к Витальке Швырину сходить, проведать... А то ж он дома безвылазно, каково ему...

— Да ну... Ночью... Такой оравой... — пожал плечами Крыльцов.

— Ничего. Такой ночью всё можно, — усмехнулся Лёша-Архимед и почему-то хитро подмигнул Инне. — Мы тихо...

— Лёш, да он спит, небось, а мы припрёмся... — сопротивлялся Сергей.

— Хрен угадал... Ой, пардон, — испуганно покосился на Инну Дима. — Не спит. И не будет. Звонили мы ему только что. Из учительской. А он чуть не в рёв. К вам, говорит, хочу. Эх! — и горестно вздохнул.

— Допекло, видать. Повезло, ничего не скажешь... — покачал головой Сергей.

— Ну! Зато экзамены не сдавал. Нервы сохранил! — чуть улыбнулся Чекунков.

— Да провались оно, такое счастье... — пробормотал Крыльцов. — Ну что ж. Идём. Смолина бы ещё найти...

— Вот и ищем! Запропастился... Разбрелись все... Встретишь — передай. Часа через полтора. Танцульки кончатся — и собираемся. Под Кузьмичом, как всегда! Инка, ты с нами? Молодцом! — и, махнув им, ребята скрылись в коридоре третьего этажа.

— Ну вот, — улыбнулся Сергей. — Нашлись люди... Чёрт, стыдно, я-то про Витальку и забыл совсем...

— А что с ним? Серьёзное что-то? — вскинула Инна тёмные тревожные глаза. Не вишни уже. Черешни.

— Ого! А ты не знаешь? Такая громкая история была с месяц назад... Неужто не слышала?

— Погоди-погоди... Месяц назад... — смешно наморщила лоб Инна. — Так это он с трубы загремел и ногу сломал? Ну и ну... Чего ж его понесло-то?

— А чёрт его знает. Сам молчит как партизан. Говорят, поспорил с кем-то. Ну, вот и полез... А там скобы эти еле держатся, раскрошилось всё к чёрту... Хорошо, шею не сломал, в больнице сказали — в рубашке родился. Теперь дома сидит.

— Герой... — покачала головой Инна. — А на что спорили-то? И с кем?

— Да какая теперь разница... — смешался Сергей. — Слышала поговорку: «Среди спорящих один — дурак, а другой — подлец»? Вот в точности...

Крыльцов, по правде, и сам точно не знал, из-за чего всё это вышло. Но ничуть не сомневался, что и тут каким-то боком замешан хитрован Паша Рогов. Уж больно он напуган был тогда. Но все молчали. Одни версии и сплетни. Но Инна, кажется, поняла его без лишних расспросов. Кивнула и промолчала.

На четвёртом этаже было совсем темно. Даже возле окон, выходящих к одинокому фонарю за школой. Едва-едва серебрились на стенах немощные отсветы. Дальний конец коридора и вовсе терялся в потёмках.

— Аж страшно... — прошептала Инна, не выпуская руки Сергея.

— Зато пусто. Эге-ге-ей! — крикнул Крыль-

цов в глубь коридора. Покатилось, заметалось, заухало под высоким потолком сумасшедшее эхо.

— Серёжка, ты что?! — с перепуганным призывом прошипела Инна и отскочила.

Эффект этого молодецкого возгласа оказался несколько неожиданным. В одном из классов как-то уж очень поспешно вспыхнул свет. Протянулась по полу из двери жёлтая дорожка и исчезла, заслонённая могучей тенью.

— Кто тут безобразит? Ну-ка... — раздался громовой мужской голос. Его нельзя было не узнать. Учитель физкультуры Геннадий Николаевич не зря носил прозвище Труба.

— Ага, Серёга... — чуть уменьшила мощь труба. — Та-ак... И Инночка Полунина... Что это вы? Не танцуете вам?

— Ага... Поётся, — улыбнулся Крыльцов. Класс, откуда появился физкультурник, был кабинетом музыки. Не смолкавшие целый год девчоночьи сплетни получили внезапное подтверждение. — Вам, я гляжу, тоже, Геннадий Николаевич?

— А как же! — подбоченился физкультурник. Не из важности подбоченился, а скорее для того, чтобы Крыльцов не мог заглянуть ему за спину. — Приобщаемся к культуре. Или ты думал, я только мяч гонять умею? — и мельком обернулся. Из-за его спины, натужно улыбаясь, выглянула молодая учительница музыки Вера Фёдоровна.

— Ну что вы, мы всегда считали вас яркой индивидуальностью... — нашлась Инна. Голос её чуть подрагивал. Она еле сдерживала смех. Крыльцов неотрывно глядел на Геннадия Николаевича. Очень уж непривычно смотрелся на нём чёрный костюм вместо обычной олимпийки и галстук там, где всегда болтался на шнурке футбольный свисток. В довершение портрета на правом рукаве красовалась повязка с надписью «урный учитель». Начало слова «дежурный» было неудачно замято.

— Да? Спасибо... Ну, вы не очень-то... Да, Крыльцов, ты уж не ори больше, ладно? Ну, счастливо погулять!

— И вам... — уже в закрытую дверь ответил Крыльцов.

Инна, зажав рот обеими ладошками, отбе-

жала к самому дальнему подоконнику. Долго и мучительно смеялась. Бесшумно. На сдавленных длинных выдохах. А потом всё не могла отдышаться.

— Господи, какой дурак... — жадно ловя воздух, шептала она, сжимая ладонями щёки. — Свет зажжёт, вышел... Сидели бы тихо — и всё...

— Ну, не скажи... — глубокомысленно возразил Сергей. — Порядок превыше всего. Урный учитель, как-никак...

— Ой, не смейся больше, задохнусь... А может, амурный?

— Да ну его... Чёрт-те что, учителя, а будто не знают, что в школе ни от кого не спрячешься... — покачал головой Крыльцов. — Ну совсем как мы...

— Не совсем, — вдруг посерьёзнела девушка. Сергей, готовый было сказать что-то ещё, поспешно и опасливо захлопнул рот.

Они стояли у окна, чуть соприкасаясь плечами. И молчали. И упивался Крыльцов этим молчанием — возвышенным, нежным и совсем нетребовательным. Потому что сам был молчун и тугодум.

Инна вдруг обернулась, тронула его за рукав и еле слышно зашептала в самое ухо.

— Свет погас... Я говорю, свет они погасили... Пойдём-ка лучше, а? Неудобно как-то, мало ли...

— Скажешь тоже — неудобно... — ворчливо отвечал ей Сергей, то и дело стараясь коснуться щекой её губ. Это оказалось труднее, чем он думал: нос мешал. Благородный. Греческий. Крыльцов легонько раздражался и ворчал ещё пуще. — Это им пусть неудобно будет, голубки... Ишь!

Тут он не рассчитал, и это самое «ишь» разнеслось по коридору так, словно прокололи шину. Инна испуганно ахнула и утащила его за руку в самый конец коридора. Здесь было непроглядно черно.

— Совсем сдурел? Зачем ты?

— А посмотреть хочу, выйдет он на этот раз или нет. И если выйдет...

— Дурак... Да не он, а ты дурак. Он меня совершенно не интересуется... Впрочем, и ты уже разочаровываешь.

Слышно было по шёпоту, что строит она

обиженную гримасу, но у неё никак не получается.

— Инка... Из-за тебя ушли с такого места... Ну вот куда нам теперь?

— Куда-нибудь... Где никого...

— Тут так не бывает. Сама видишь. Впрочем, пойдём. Вон туда. На запасную лестницу. Страш-шное место! — по-драконьи прошипел он, сделав зверское лицо. Но тут же понял, что в полной темноте это ни к чему.

— А тихое? — блеснули во тьме две искорки.

— Было тихое... А сегодня — не знаю...

— Серёж, а ты смешной, оказывается... Вот не ожидала, — вкрадчиво прошептала Инна. — Всегда такой серьёзный, сосредоточенный...

— И не говори, сам удивляюсь, — развёл руками Крыльцов. — Это ты на меня так действуйешь... Благоотворно.

— Ты думаешь? — замерла она на месте. — Ну... Не знаю. Умного в дурака превратить — это благоотворно?

— Иногда, — легонько коснулся губами её прохладного уха Сергей. Инна нервно кашлянула.

Рассохшаяся и облупленная дверь на запасную лестницу была здесь, в двух шагах. Крыльцов нашёл её ошупью. Толкнул.

— Э-э, да тут заперто! Или держит кто? — резко обернулся он к Инне, перепуганно выпучив глаза. Она уже пригляделась к темноте и отмахнулась.

— Ну тебя. Нажми лучше. Ещё... Вот так, — и девушка, просунув руку в образовавшуюся щель, с усилием отодвинула шпингалет. Издав мучительный, заспанный скрип, дверь нехотя открылась.

— Вот ты какая... Всё знаешь! — изумился Сергей.

— Ага... Лучше спичку зажги... Тут как в пещере! — добавила голоса Инна, и будто осветлело вокруг. Спичку Крыльцов, однако же, зажгёт.

Пролёт запасной лестницы был сплошь заставлен старыми партами, сломанными стульями, древними, истёртыми до дыр классными досками, стендами с обрывками давних стенгазет. Миновав завалы, Инна и Сергей спустились на площадку между этажами. Тут было

светлее. Жёлтый, похожий на огромную лимонную дольку месяц висел над взъерошенными кронами старых лип прямо напротив окна с широким подоконником.

— Гляди-ка, а тут и правда тихо... — пробормотала Инна. — Как здорово-то... Здорово, говорю. Привыкла шёпотом... Пыльно вот только... — она провела пальцем по подоконнику и критически покачала головой.

— Ничего, ничего... Это мы поправим, — подмигнул ей Крыльцов. — Эх, пропадай!

Достал носовой платок, вытер им подоконник и, сложив наоборот, чтоб не испачкаться, сунул обратно в карман.

— Прощу! — театрально пригласил он.

Инна примерилась, огляделась и нерешительно закусил верхнюю губу.

— А... а как на него? — и попыталась встать коленкой на батарею под окном. — Ой, колготы порву, ну его...

— Подожди... Ну-ка... Повернись. И во-от так! — и Сергей, подхватив её за талию, легко посадил на подоконник.

— Прямо как куклу... — с деланной обидой вздохнула она.

— Кукла и есть, — пожал плечами Крыльцов, ощущая частое сердцебиение и пряча за спиной подрагивающие руки.

— Поговори у меня... — многообещающе пригрозила Инна. — Крыльцов, да хватит тебе ходить туда-сюда! Прямо маятник! Садись рядом! Или тебя тоже подсадить?

— Нет уж. Я сам, — торопливо ответил Сергей и вскочил на подоконник вплотную к Инне. Девушка ещё чуть придвинулась, как прильнула к нему, и он вздрогнул. Вздрогнул — и неожиданно для себя обнял её сзади правой рукой. Инна сверкнула на него глазами, но ничего не сказала, лишь прижалась щекой к его плечу. Чуть поколебавшись, он обнял её и другой рукой, спереди, сцепив ладони в замок. Лица сблизилась. Её тонкие, чуть размытые темнотой черты, выпуклый лоб и удивлённый излом бровей были невыносимо близки. Лишь на мгновение соприкоснулись их губы жёстким, неумелым мазком. И тут же отпрянули. Инна нервно прыснула и тихо рассмеялась.

— Крыльцов... А ведь мы с тобой не умеем... Совсем!

— А? — опомнился он, ощупывая кончиками пальцев губы. — Да, кажется...

— Ничего... Всё впереди...

Страшно колотилось сердце. Казалось, его стук слышен далеко вокруг. И уголок воротника рубашки ходуном ходил часто-часто. Вверх-вниз.

— Инка, ты... — судорожно переводя дыхание, проговорил он. — Нет... Я лучше отодвинусь... — и уже заёрзал было на подоконнике, но тут же замер как простреленный, ощутив руку Инны у себя на запястье.

— Не надо, — тихо попросила она, и от одного её шёпота, горячего, плещущего в самое ухо, можно было свихнуться. — Не надо, посидим вот так, рядом... И обними меня... Вот как только что... Ладно? — и завела его руку себе за спину. — И не бойся, целоваться не будем...

— Пока... — неожиданно вырвалось у Крыльцова.

— Ага. Пока... — блёстко покосилась Инна, крепко прижимаясь к нему.

Сидел Крыльцов истуканом, тяжело дыша и медленно сходя с ума от её тепла. Только бы не сказать какой-нибудь глупости... Молчать... Ох, молчать! Но это было немислимо. Так и тянулись губы...

— Инка... А давай... поучимся. А? — робко подал он голос. Инна напряжённо рассмеялась.

— Ты десять лет учился. Не надоело? — уколола она его своими искорками.

— Кажется, не тому... Да повернись же ты... — мучительно простонал Сергей. Инна вздохнула, повернула голову, но тут же вздрогнула.

— Сюда, кажется, идут... — и замерла, прислушиваясь.

Внизу, у площадки второго этажа, слышалась какая-то странная, приглушённая возня, беглый поспешный шёпот и тихие сдавленные смешки. Шёпот нарастал, перемежаясь частым нервным дыханием, и вдруг всё оборвалось густой, тягучей, вязкой, как слюна, тишиной. Минута. Другая... И снова вздохи, невнятная шепчущая скороговорка, долгие шорохи... И вдруг — тихий, мучительный стон. Ещё и ещё.

Сергей, испуганно вытаращившись, глянул на Инну. А у неё глаза — уже и не черешни даже, а целые сливы.

— Инка, бежим! Только тихо!

Он неуклюже снял её с подоконника, и они, ступая на носки, бросились наверх. Крыльцов всё хотел уши зажать. Но как-то не получалось. Так и скакал по ступенькам под стоны с придыханиями. Инна была уже у двери на четвёртый этаж, а Сергей, разогнавшись, неосторожно повернулся, задел парту и свалил стоявший на ней стул. Со страшным грохотом закувыркался он по лестнице. Внизу пронзительно взвизгнули и послышался дробный топот удирающих ног, в котором чётко прослушивались каблучки на подковке.

Крыльцов, хаотично размахивая руками, едва не налетел на Инну. Она тоже подалась к нему, и вот так, с ходу, они коротко обнялись. Но тут же отпрянули друг от друга и согнулись в беззвучном хохоте.

— Интересно, кто бы это мог быть... — прошептала Инна, успокоившись.

— Да мало ли... — смущённо пожал плечами Сергей. — Нашли место...

— А мы?

— Ну, сравнила... Разве мы... — пробормотал Крыльцов, и у него заплыла щеки.

— А какая разница... — Инна то и дело отводила глаза. Такая смелость, видать, и ей была в новинку. — Просто мы... Не умеем. А они...

— А если бы умели? — совсем растерялся Сергей. — Неужели мы бы... Прямо вот тут...

Инна прыснула и закрыла лицо руками.

— А ты... Ты был бы против? — глухо донеслось из-под ладоней.

— Я? Ну... — замялся Крыльцов. Сказать «да» — глупо. Сказать «нет» — стыдно. Но и то, и другое было правдой.

— Я тоже, — близко-близко взглянула ему в глаза Инна. — Не надо, не говори ничего. Пойдём.

Она взяла его за руку. И медленно, не глядя друг на друга, пошли они по длинному тёмному коридору четвёртого этажа. И лишь, проходя мимо кабинета музыки, они приостановились, переглянулись, прыснули и бросились бегом в сторону парадной лестницы.

А дискотека на первом этаже и не думала заканчиваться. Немилосердно долбили басы. Так, что качались подвесные горшки с цветами и вздрагивала фанерная стенка с портретами школьных медалистов.

— Ага! Здравс-сте, приехали! — как гром разразилось над головами. С верхнего пролёта на них глядел Игорь Смолин. Он был очень сердит. — И где ж это вы шляетесь?

— Да мы... Тут были... — промямлил ещё не пришедший в себя Крыльцов. — Ты чего бешеный такой? Проголодался, что ли?

— А? Да ну тебя! — отмахнулся Игорь. — С этой дискотекой ну прямо чокнулись все, хрен кого соберёшь! И Архимед с Чекушкой сдрапали куда-то, черти!

— Да ладно, найдутся, не кипятись...

— Да? А Виталька? Мы же обещали! Гадство это, дорогие мои... — саркастически выговорил Смолин.

— Игорь, — спокойно заговорила Инна, и ершистый Смолин тут же убрал колючки и смирно повернулся к ней. — Игорь, не распыляйся. Сейчас всё равно без толку. Пусть всё это само собой кончится, а потом все и найдутся. Вот увидишь. А Лёша с Димой искали тебя. С полчаса назад. И тоже ругались...

— Да? — рассеянно улыбнулся Игорь, с удивлённым интересом оглядывая Инну. — Может, и правда... Инка! А чего ты такая красная? Пряма как свёкла!

Девушка вздрогнула и мельком глянула на Сергея. Тот отрицательно мотнул головой. Не свёкла, конечно. Хотя лёгкий румянец на скулах так и бросался в глаза. Но Смолин был тактичен и сам ушёл с опасной темы.

— Ну, ладно, — деловито глянул он на часы. — Набавим ещё час, пусть народ повеселится. Знаете, где встречаемся?

— У Кузьмича! — подмигнула ему Инна и кокетливо помахала. Сделала ручкой, что называется. И удивлённый Игорь долго ещё глядел им вслед, смешно выпятив нижнюю губу.

— Он тоже не ожидал! — шепнула Инна, прикивая к плечу Крыльцова. — Мы, кажется, сегодня всех потрясли...

— Да ну... И без нас хватит потрясателей, — осторожно взял её за руку Сергей. — Вон чего

творят... — и не стал продолжать, снова почувствовав прилив жара к лицу. — Инка, пойдём подышим, а? Воздуха мало...

На улице посвежело. Тут и там в лужах тусклыми бликами плескался фонарный свет. У школы было пусто. Только стайка каких-то пришлых ребят проводила их любопытными взглядами и шушуканьем. Прямо перед школой был маленький рябиновый скверик с разлапистыми старомодными скамейками. Особенно живописно тут было осенью. Жёлтые листья, тяжёлые гроздья красных ягод над головами... Остро не хватало тишины. Но тут ничего нельзя было поделать. В центре сквера на чёрном постаменте стоял гипсовый Ленин. Поза его была странной. Он весь откинулся назад, протягивая к школе огромную лопатообразную ручищу не то для пожатия, не то для милостыни. Стоял он тут с довоенных времён, и из поколения в поколение учеников передавалось прозвище Кузьмич, потому что назвать эту карикатуру Ильичом язык не поворачивался.

Они сидели под протянутой дланью Кузьмича. Здесь было совсем тихо, лишь тёплый ветерок шелестел в верхушках рябин. Рука Крыльцова лежала на спинке скамьи позади Инны, едва касаясь её плеч. Сама легла. И убраться было немислимо. Инна долго молчала. И вдруг повернулась к нему.

— Серёжа... — голос был тих и жалобен. Так прощения просят. — Ты, пожалуйста, не думай ничего такого... Там, на лестнице... Забудь. Сдуру это. Сдуру... Сама не пойму, что на меня нашло...

— Инка... — сглотнул он пересохшим вдруг горлом. — А... на подоконнике... Тоже сдуру? Тоже забыть? Не хочу...

— И я почему-то не хочу... Хоть и сдуру... Ох, и сдуру, Серёжа... Но... Когда же нам? Разве вот это... Вот такое... Будет когда ещё?

— Ну чего ты... Будто жизнь кончается... — ободряюще заглянул он в её доверчиво близкое лицо, и левая рука съехала со спинки скамейки на Инкины плечи. Девушка мельком покосилась влево, а потом осторожно взяла его руку и прижала к своей щеке. И вместе с её теплом в груди Крыльцова поднялась невыносимо жар-

кая, перехватывающая дыхание волна. Он онемел и замер, ошалело моргая на повисший в рябинах месяц.

— А у меня всегда так... — еле слышно вздохнула Инна, и он почувствовал у своей руки движение её губ и горячее дыхание. — Если что-то хорошее, то ненадолго... Вот и прощайся. Заранее.

Сергей всё никак не мог обрести связной речи и, по правде, был даже рад этому: боялся ляпнуть глупость. Он не очень понимал эти задушевные умствования, но тут было что-то серьёзное, нажитое. А ещё в нём проснулась и разлилась необыкновенная, невиданная нежность к этой странноватой девчонке. Хотелось — до головокружения хотелось! — взять её на руки и бережно нести... Нести, не уставая. Хоть вокруг земли!

В кустах позади послышался шорох и треск. И громкий высокий голос с нетрезвым призывом выкрикнул:

— Ага, попались, голубчики!

Крыльцов поморщился. Только Паши Рогова с его гвардейцами тут не хватало... Обернулся.

— Стоять... Э-э... То есть сидеть... — заплёл языком вывалившийся из кустов Коля.

— Хм... Времени даром не теряете... — еле вытalkingая слова, чтобы не сорваться и не облаять их, проговорил Сергей.

— Паш, а он думает, мы ждать его будем... Каков, а? — расплылся Коля.

— А Витька где? Уже потеряли?

— Не дождёшься! — отстраняюще выставил ладонь Паша. — За добавкой пошёл...

— Ну-ну... Инна, пойдём. Нечего тут, — и, не церемонясь, вскочил и потянул её за руку.

Они неторопливо двинулись в сторону улицы, к тусклому свету фонарей сквозь густую листву.

— Не уважает... — глубокомысленно заключил вслед Паша. — И Инночку нашу увёл. Будто своих нет...

— Во гад, а? — возмущался Коля. — Паш, а давай ему навесим? Догоним и ка-ак...

Смелость

Под ногами тянулся старый, раскрошенный, мокрый после дождя асфальт тротуара. Было темно. Фонари стояли у самой дороги, скрытые деревьями. Они шли, крепко держась за руки. Чёрные штиблеты Крыльцова ступали мягко, еле слышно поскрипывая. А Инкины босоножки несмело постукивали и чуть позвякивали застёжками.

— Чёрт знает что... — тихо ворчал Сергей. — Так хорошо сидели, никого не трогали, и — здрасьте вам, припёрлись. У-хх!

— Ну и куда мы теперь пойдём? — Инна даже не повернула головы, упорно глядя под ноги.

— А мало ли... Хочешь вон туда? — и повернул на первую же улицу. Она была совсем тёмная, лишь в конце её еле золотился тусклый фонарь.

— Давай... — засветилась в её тихом голосе улыбка. — Смотри, совсем как у нас сейчас... Какая-то тёмная дорога и свет впереди... Похоже, правда?

Крыльцов вздохнул. Это было его большим местом. Он для себя ничего ещё толком не решил.

— Эх, знать бы, что оно там, впереди... Тёмный лес какой-то. И никакого света... Только ты.

— По-моему, уже немало, — осторожно глянула она на него. — А знаешь, Серёжа... Я не ожидала. Я никогда не думала... С тобой так хорошо!

И осторожно, будто зябко ей стало, прильнула к нему. Его правая рука, боязливо потрепетав в воздухе, легла на её талию. Тёплую. Белую. Как берёзка. И вздрогнул, почувствовав её лёгкую руку-веточку у своего пояса. Первый шаг... Второй... Медленные, неловкие шаги в обнимку. Лучшие в мире шаги...

— Инка, а я догадывался, что ты... интересная... Но чтобы так... — на лёгком задыхе смог наконец выговорить он. И тут же смешался. Опять выходила какая-то двусмысленная глупость. Но Инна будто не заметила.

— А как? — прошептала она, подняв голову.

— Вот так... — повинувшись мгновенному импульсу, легонько поцеловал он её в висок. Это было куда лучше любых слов.

— И всего-то? — ярко улыбнулась она. — А я думаю... Мне кажется... Мы с тобой заслуживаем большего...

А потом они долго сидели на скамейке. В крепкую обнимку. И то и дело, опасливо озираясь, приникали друг к другу. Оказалось, целоваться можно длительно. Взахлёб. И залпом. И по глоточку... Как воду пить. Только лучше. Слаще. Интересней. Не хватало опыта. И губы, устав, срывались со смешным хлюпающим звуком. И они долго тряслись от неслышного, изо всех сил сдерживаемого смеха. Нельзя было громко смеяться. И громко дышать тоже нельзя, хоть задохнись... За спиной — дом. Там люди... Спят. А может, уже не спят?

И в самый иступлённый момент, когда уже было больно губам, а нос Крыльцова сипло частил от горячего дыхания, на втором этаже дома позади звякнуло окно.

— Эх-хе-хе... — раздался стариковский вздох, чиркнула спичка и с шипящим трескотком запалилась папироса. К вязкому запаху лип и мокрой земли примешался едкий дым «Беломора». Они вздрогнули, вскочили и опрометью бросились вниз по переулку в сторону реки.

— Эх, чеграши... Такое кино испортили... — скрипуче посетовал им вслед голос из окна.

Заборы, заборы... И темнота. Только впереди посверкивают в реке блики фонарей на том берегу. Не оступить бы, не споткнуться о камень... Ему-то ничего, а вот Инке с её босоножками худо придётся... Но обошлось. Выбежали на шебёночную дорогу вдоль берега, перевели дух, глянули друг на друга и рассмеялись. В полный голос. Во весь дух. Аж захлебнулись хохотом.

— Вот всё и ясно, — отдышавшись, выговорил Сергей. — А мы-то, дураки... Нам с тобой в киноактёры подаваться надо. Все «Оскары» наши...

— Ну, я согласна и на скромную госпремию... — кокетливо покрутилась Инна, одёргивая платье. — Одно поняла... — добавила она, хихикнув. — Белое платье для выпускного вечера не годится. Слишком заметно в темноте...

— Ага. Демаскирует... — опять зашёлся в хохоте Крыльцов. Вовсе не было ему так уж смешно. Но только что пережитая сцена тре-

бовала какого-то продолжения. И он не знал, что говорить. А что делать — и подавно. Снова стало отчего-то боязно прикоснуться к ней. Вот и забивал смехом собственную трусость.

— Серёжа... — тихо, вкрадчиво и тоже не без боязни позвала Инна. — А мне... Мне понравилось. И... Знаешь... Я ещё хочу.

— И я... — неуклюже развёл руками он, одновременно пожав плечами. — Но... давай отдышимся... Остынем... Вон на речку сходим, постоим...

— А там скамейки нет, — хитро прищурилась Инна. — Ну, чего ты? Пошли!

Сделала два-три шага — вскрикнула и остановилась.

— Тут... Гадость какая-то... Скользящая... — сдавленно, будто лягушку ей за шиворот сунули, простонала девушка. Вот-вот завизжит от ужаса и отвращения. — Я наступила...

— погоди, посмотрю... — склонился не на шутку перепуганный Сергей. — Чёрт... Плохо дело... Тут мазут какой-то, что ли... Или масло... С машины натекло...

— Да? Фу-у, а я уж подумала...

— Инка, то, что ты подумала, отмыть можно! — сокрушённо вздохнул Крыльцов. — А тут химия. И ты обеими ногами... В общем, туфли и колготы, похоже, на выброс... Тяпа-ляпа!

— Как... Ты что... Ты... Ты знаешь, что мне за это будет... — еле слышно, захлёбываясь, зачастила Инна.

— Но-но, не реветь! — строго прикрикнул Сергей, успев удивиться такой смелости. — Не ревьешь? Молодцом. Идём на речку. Там отмоешься. Придумаем что-нибудь!

— Приду...маем... — всхлипнула Инна. — Ну-ка... Ой, ужас какой... Ну почему я такая везучая? Сначала платье, теперь это... И домой как теперь прийти? Вот и похвалилась обновкой.

Бельевые мостки были старые, осклизлы, но ещё крепки. Под ними лениво журчала речка. Пахло тиной, сырой речной гнилью и будоражащей свежестью. Вот только комары донимали. Инна нервно отмахивалась сорванной веточкой, а Крыльцов, склоняясь у её ног и замирая от каждого прикосновения, оценивал масштабы грянувшей беды.

— Вот оказия-то, ёлки-палки... Не было бы

счастья... — бормотал он, расстёгивая дрожащими руками пряжку на левой босоножке. — Ну-ка, приподними... Ага...

— Ты что там, молитвы читаешь? — в голосе девушки тихонько прозвенела чуть колкая, но ласковая улыбка. И куда только слёзы делись...

— Нет... А надо? Ох, и здорово ж ты вымазалась... И мазут клейкий, зараза, тягучий... И правой чуть-чуть досталось... Ох, Инка, что ж нам делать-то? — во взаправдашнем отчаянье поднял он голову. — И ведь всё из-за меня... Поташил тебя черт-те куда...

И тут он встретился с её ярким, смешливым, чуть мокроватым взглядом. И совсем опешил от такого сочетания. И понял, что никакой беды нет.

— Осталось только пожалеть... — ехидно проговорила она. — А вот фиг тебе. Вторую снимай, умник. Или так и будешь причитать?

— Разрешаешь, значит? — прищурился Сергей. — А что? Я — запросто. Я — мигом.

Судорожно дыша, расстегнул вторую босоножку и, уже без церемоний прихватив Инну за лодыжку, снял её.

— Это хорошо, что мигом. Это похвально... Это как раз по-рыцарски, — назидательно изрекла девушка, легонько переступая босыми ногами. — Ну, колготкам крышка, это ясно... А туфли? Водой это можно?

Сергей, изо всей силы изображая скорбь, покачал головой.

— Только химией. Керосином... И то... — вздохнул он, не отрывая глаз от её ног.

— Скандал... Домашний арест... — картинно схватилась Инна за голову. — Да не глазей, ещё успеешь. Ну-ка, посторонись!

И в два лёгких прыжка оказалась на берегу. Он устремился было вслед, но она резкой отмашкой остановила его.

— Стой, — прибавила для пущей верности. — И отвернись!

— А... — начал было Крыльцов, но осёкся, увидев, как Инна приподнимает края платья.

— Бэ, — передразнила она. — Колготы снимать буду. Не домой же идти, в самом деле... Босиком похожу, ничего... Даже полезно.

— Во как... — пробормотал он, послушно отворачиваясь и чувствуя сладостную, волни-

тельную щекопку под ложечкой. — Но погоди... Слушай, у меня керосин есть. Пойдём... Может, получится... У меня как раз дома никого, ничего объяснять не придётся...

— Да?

Шорох одежд за его спиной вдруг затих. Он слышал только собственное, в шаге от разрыва, сердце.

— Это хорошо, Серёжа, что у тебя есть керосин. И что дома никого нет... Но к тебе мы не пойдём... — с задумчивой и чуть грустной расстановкой еле слышно донеслось до него.

— Да почему?

— Не понимаешь? Правда, не понимаешь? Ну... — дрогнул её голос. — Может, я и впрямь какая-то... дура. Но не надо, Серёжа. Не надо. Не хочу. Это наш с тобой вечер... Пусть он таким и останется. Мне и так хорошо.

— И мне... — пространно выдохнул он, глядя на сонную тёмную воду, только теперь оценив её ответ. Но засвербило, забормотало что-то в душе обиженно и обескураженно. А вдруг бы она согласилась? Осторожнее надо было, потихоньку... Но теперь всё. Промахнулся ты, Крыльцов. Ох, промахнулся...

— А может, всё-таки... — несмело начал он. Но его будто не услышали.

— Всё, можешь поворачиваться, — торжественно объявила Инна.

Сергей обернулся. И внезапная нежная улыбка ярко осветила его лицо. Инна стояла на берегу, гордо выпрямившись в свой невеликий росточек, неуверенно переступая по траве и стеснительно улыбаясь. Раньше, глядя на её лицо и руки, он думал, что и вся она такая же, бронзово загорелая. Но нет. Ноги её были совсем не тронуты солнцем. Крепкие и полнокровные, они так и лучились молочным теплом. От маленьких ступней до округлых, чуть шероховатых на вид коленей... Дальше он не видел. Дальше начинался подол платья. Но и этого невинного откровения было вполне достаточно.

— Инка... Да ты... — аж задохнулся он. — Ты... Как статуя какая-то... Светишься...

— Нравлюсь? Ну-ну... А свечусь не я. Рассвет, Серёжа... Вот мы и встретили рассвет... Вон, гляди... Да не сюда, шальной... Вон там...

На востоке, за изгибом реки, над крышами девятиэтажек вдали виднелась красно-белая, с яркими проблесками, полоска. Двадцать второе июня. Самая короткая ночь.

— Инка... — он сглотнул и перевёл дух. — Слушай, но босиком — это не дело, по городу-то, мало ли... Я же тут рядом живу, пять минут... На руках бы тебя донёс...

— На руках? — глянула на него девушка. — Правда? — и даже в поредевшей тьме видно было, как удивлённо и восхищённо вскинулись её глаза. Но она тут же опустила голову.

— Не надо больше об этом, Серёжа. Спасибо, но, прошу тебя, не надо... — прошептала она.

— Инка, но ведь увидят, болтать будут... Мне-то наплевать, а вот тебе...

— И мне. Всё, что будет, — будет завтра. А сегодня моя ночь. Я так хочу. Вот и всё, — чуть притопнула она ногой по траве.

— Смелая ты, Инка... Господи, какая же ты смелая... — только и мог пролепетать Крыльцов.

На мосту было пусто. Ни машин, ни людей. А Крыльцов — шаг в шаг, как охотничий пёс, шёл за Инной и не мог наглядеться, как ступает она босиком по асфальту. Как по ниточке. Пружинисто, бесшумно и... ласково. Да, ласково. Будто гладит землю ногами и наслаждается её теплом. А ещё — его взглядом. Сумасшедшим и пожирающим. Знает, что именно так он сейчас смотрит на неё. Чувствует. Пятками, что ли? То-то они такие розовые, даром что в мазутных пятнах...

Бледно догорали фонари на столбах и на автобазе за рекой. Инна остановилась у бетонного столбика, с которого начинались перила. Три других таких же — один через дорогу, а два на другом конце моста — несли на себе массивные чёрные шары размером с баскетбольный мяч. А этот был пуст. Только гранитный квадрат опоры с круглой выемкой посередине. Шар пропал давно. Школьники шутили — Кузьмич уволок в футбол поиграть с Ильичом, что на площади стоит. Кто из них, увлѣкшись, запустил это ядро в космическое пространство — история умалчивала.

Девушка задумчиво положила руку на столбик, постояла в задумчивости — так, что в пору

картину было писать с неё, — оглянулась смешливо.

— Серёжа, подсади меня, а? — как-то стеснительно попросила она.

Крыльцов, издав горлом что-то нечленораздельное, бросил перемазанные босоножки, подхватил её и посадил на квадрат, вконец одурев от её лёгкости и воздушности. Не ожидал... А Инна поджала ноги и поставила ступни отвесно на столбик.

— Инка... — простонал он. — Да ты...

— Статуя? — прыснула она.

— Нет...

— Богиня? — с готовностью продолжила она. Сергей совсем смутился.

— Нарисовать бы тебя... Вот так... Эх, не умею...

— Я попробую... Потом... — чуть закусив в раздумье губу, сказала она. — У меня иногда получается... Даже на конкурсе городском выставлялась, может, помнишь — колокольня, а на первом плане — сараи...

— Ни фиги себе, ещё и рисует... — пробормотал Крыльцов.

— Да подойди ты сюда, чего встал столбом... Вот так... — и впервые взглянула на него сверху вниз. И положила руки на его плечи. — Вот так... — повторила зачем-то. — А себя, — прошептала она ему в самое ухо, — себя я хочу... без всего нарисовать, понимаешь?

— Голой, что ли? — налился краской Сергей.

— Обнажённой, дурак...

— Инка... Уймись... — жалобно попросил Крыльцов. — А то ведь правда возьму на руки — и уволоку...

— А почѣм ты знаешь... — повлажнел вдруг и вскипел её шѣпот. — Может, я того и добиваюсь...

Не выдержала, прыснула и рассмеялась. Крыльцов попытался выдавить подобие улыбки. Не смог. И, окончательно помутясь разумом, поцеловал её в обе коленки.

И тут послышались шаги. Инна молниеносно спорхнула со столбика. Вкусно шлѣпнули об асфальт ступни. Сергей, тяжко дыша, обернулся. К ним подходил Игорь Смолин. Обошёл их, оглядел усталым, но беспокойно блестящим взором и облокотился на перила.

— Вы извиняйте, может, некстати... — негромко, будто сам с собой, проговорил он. — Там... Народ на площадь собрался наконец-то... Вон они, уже идут... Так что...

— Идут? — вялым голосом, с трудом опоминаясь, выдохнула Инна и растерянно коснулась лба запястьем. — Да-да... Идём.

И потянула Сергея и Игоря за руки к приближающейся толпе. Крыльцов еле успел подхватить валявшиеся у столба босоножки. Смолин, ошарашенно поморгав, взглянул на него, но тут же принял свой обычный невозмутимый вид.

Лёгкость и иступление

Девятиэтажка, где жил несчастный Виталька Швырин, была единственным жилым домом на площади. Похожая на жёлтый, поставленный на торец кирпич, она возвышалась над столетними купеческими домами, сплошь занятыми магазинами и всякими конторами. А прямо напротив — через площадь — к ней протягивал руку стоящий на гранитном постаменте Ильич. Элегантный. Бронзовый. При костюме. И всегда искляксанный бесцеремонными городскими голубями. На площади царила сумрачная сонная тишина, когда на неё выкапталась разношёрстная ватага выпускников. Не галдели. Гудели тихонько, как в театре перед началом представления. В том, что готовится именно представление, Крыльцов уже не сомневался: слишком загадочны были ребята. Инна тут же оказалась в кругу изумлённых девчонок и взахлёб рассказывала им, как наступила в мазут. О Сергее она умолчала, но Крыльцов с её босоножками в руке то и дело чувствовал на себе пристальные взгляды. Поглядывали на него и мальчишки, но им сейчас было не до этого.

— Мы Витальке сюрприз приготовили, — объявил Лёша-Архимед. Он нёс в руке кассетник. — Медленная композиция на бас-гитарах. И скрипка... Чумовая вещь. Он же любитель...

— А по шее не дадут? Мы ж всех перебудим, вы что? — изумился Сергей.

— Мы тихо. Да она короткая, пару минут... Ничего.

— Да ладно уж... Поймут... Не хулиганы же какие... — чуть заплетающимся языком выговорил длинный и нескладный Сева Дьяконов. Его чуть пошатывало. — Сегодня можно... Вон даже я...

— Сева, ты лучше молчи. Силы береги. А то ещё и тащить тебя придётся... — проворчал Смолин.

А Виталька, неуклюже балансируя на одной ноге, уже махал им обеими руками с балкона на третьем этаже. У перил стояли два костыля. Раздались приветственные возгласы, и три десятка рук дружно поднялись в ответ.

— Ребята, как договаривались! — с видом заправской пионервожатой похлопала в ладоши Вика Веливанова.

Пятнадцать человек выстроились просторным полукругом.

— Лёша, контакт! — скомандовала Вика.

В тишине раздался тугой щелчок, и словно издалека начал накатывать сочный утробный рык бас-гитар. Будто заворчала разом дюжина сытых, ленивых львов. Мелодии ещё не было, был только ритм, напоминающий неторопливый разминочный бег. Виталька на балконе сцепил над головой ладони и яростно затряс ими. Сумерки стремительно редели, и солнце внезапно осветило верхушку дома. Как раз в этот момент вступила скрипка. Задумчиво и напевно, совсем как человеческий голос, вела она сложную, многоступенчатую партию, и голос этот был мудр и возвышающ. Он будто звал забыть о дразгах и неурядицах, презреть выдуманные страхи, посметь подняться ввысь и увидеть, как проста и чудесна жизнь и что всё в конечном итоге будет хорошо. Это понималось сразу, с первых тактов. Песня не могла этого передать мгновенно: её надо было слушать и вдумываться. Такое под силу было только музыке с её множеством глубинных интонаций. Скрипка примолкала, звучала фоном для высоких, с подхрипом, гитарных всплесков, затем снова выходила вперёд и вела. Так и хотелось шагнуть — и взлететь. Крыльцов, охваченный мурашками лёгкого экстаза, мельком глянул на Инну да так и заснул. Она была напряжена, как сжатая пружина, и словно раскачивалась, то и дело подава-

ясь вперёд, как кошка, готовящаяся к стремительному прыжку. И в острый момент скрипичной партии Инна вдруг выскочила в центр полукруга, будто вытолкнутая каким-то магическим импульсом. И закружилась, замелькала, рассеивая остатки тьмы нежной белизны платья и мягко пружинящих ног. В глазах рябило от этой плавной быстроты, и, когда она пролетала мимо, Крыльцов с ума сходил от дурманящего ветерка с лёгким, еле слышным запахом её духов, от тихих, заглушаемых музыкой шлепков голых ступней по асфальту. А руки Инны были... Нет, не крыльями даже, а двумя лёгкими птицами, то и дело взмывающими над её головой. Инна чуть запаздывала: она не знала этой мелодии и придумывала танец на ходу. Но ей было легко. Лёгкость — и исступление: глядите на меня, запомните меня такой, а после говорите обо мне что угодно. Именно это видел Сергей в её неожиданном танце. Даже Виталька на балконе оторопел и схватился за щёки. В его девятиэтажке распахивались окна, балконные двери, показывались недоумевающие сонные физиономии. И вот зазвучали финальные аккорды. Инна закружилась на месте, ослепительно перебирая ногами, и подол платья парашютно взвился вокруг неё. Крыльцов аж задохнулся и отвёл на миг глаза. А руки девушки вспорхнули к голове и коснулись высокой причёски. Отрывистый мах головой — и тёмная волна волос опала на её спину. Инна упала на колени, склонилась лицом к самой земле и недвижно замерла на последней скрипичной ноте. И, лишь когда она дозвенела и замолкла, стремительно поднялась и поклонилась. Сначала Витальке. А после, повернувшись, всем остальным. Повисла ошалелая пауза. Все стояли как зачарованные, не в силах даже переглянуться. Первым опомнился Швырин. Он отпустил свои щёки и яростно забил в ладоши. Захлопали и ребята. Зазвучали возгласы, ошарашенные и восхищённые. Юрка Носов, выйдя из ступора, ослепил всех очередью вспышек. А сияющая Инна подбежала к Сергею и схватила его за руку.

— Как... тебе? — спросила она, дыша взволнованно и наслаждённо.

Он шагнул и, не думая долго, крепко обнял её. Поцеловать постеснялся. И тут грянула овация... Инну бросились обнимать ребята. Наперебой. С визгами, всхлипами и поцелуями. И вдруг...

— Тс-с-с! — резко донеслось с Виталькиного балкона. Галдёж стих, но аплодисменты продолжались. Одиночные. Гулкие. Это, рукоплещая, шёл к ним через площадь милиционер. Все застыли.

— Ребята, вы, конечно, молодцы, но... — лейтенант укоризненно покачал головой и указал на наручные часы. — Спасибо за танец, — галантно поклонился он в сторону Инны, — но давайте-ка... Люди ещё спят!

— Сейчас-сейчас... — выскочила ему навстречу Вика Веливанова. — Мы только прощаемся! Ребята, шёпотом, по слогам: вы-здо-рав-ли-вай! Только не кричать! Три-четыре!

— Вы-здо-рав-ли-вай! — недружно прошестел над площадью.

— Ещё раз! — скомандовала Вика.

— Вы-здо-рав-ли-вай! — плеснуло чуть стройнее.

— Эх вы! — буркнул лейтенант и по-дирижёрски взмахнул руками.

— Вы-здо-рав-ли-вай! — полетел общий, мощный, слаженный шёпот.

Виталька благодарно прижал руку к груди и поклонился. И тут же схватил себя за голову, указал назад, в глубь квартиры, виновато развёл руками, снова сцепил их и покачал над головой, неловко подхватил костыли и заковылял с балкона.

Все стихли. Ушёл, выразительно погрозив пальцем, милиционер. Гулкий стук его ботинок до сих пор слышался с ближайшей улицы.

— А мы молодцы, правда? — посмотрела по сторонам сияющая Таня Ростовцева. — А Инночка прямо прелесть. Правда, Вика? Кто мог подумать?

— Да. Сильно... — скупое, с лёгкой досадой отвечала Вика. Ясно было, что не пришёлся ей по душе Инкин танец. Затмил и обесцветил. И не одна она такая.

Лёгкая и говорливая Таня, посмотрев на лица, быстро замолкла. И только Сева Дьяконов не желал принимать непонятных правил игры.

— Ёлки-палки, ребята... Какие у нас девушки! Нет, какие девчонки, а? Таланты! — воскликнул он попугайским голосом.

— Надо же, осенило... Впервые за десять лет! — усмехнулась чуть обиженная Таня. — Ребята, Дьяконову больше не наливать! А то такого наговорит...

— Ни-ни, Танюша, что ты... — мельнично замахал руками Сева. — Больше ни капли... Сам не знаю как... Крепился, крепился...

— И ослаб, — назидательно заключил Игорь. — Так-так, Сева. Не проводить ли тебя домой? — и искося, с критическим прищуром оглядел его.

— Да ну тебя... Слишком уж ты того... Трезвый. И практичный. А тут лирика... — с замиранием в нетвёрдом голосе протянул Сева, изобразил ладонями в воздухе нечто округло-протяжённое и мельком покосился на Инну. Она прыснула и отвернулась.

— Ты, Сева, с жестами-то полегче, — съязвил Лёша-Архимед. — А то у тебя не лирика, а похабщина какая-то получается... — и осторожно оглянулся в сторону Крыльцова. — А Инка молодец. Герой дня... Вернее, ночи... — тут Лёша запутался и засмутился.

— Королева бала! — совсем как булгаковский Фагот, провопил Сева. — Юрик! Ты всё заснял?

— Угу... — с лёгким конфузом в голосе буркнул Носов.

Беспорядочной гурьбой уходили они с площади. Инна с группкой восхищённых девчонок, которые едва не висли на ней, трещали без умолку и задавали дурацкие, казалось Крыльцову, вопросы. Особняком держались Вика и её приятельницы. Медленно, лениво и нетвёрдо шли Лёша и Дима, легонько поддерживая под руки Севу Дьяконова. И казалось, это он их, нетрезвых, ведёт куда-то. И только Юрка, будто пытаясь оправдаться, то и дело отскакивал, прицеливался и щёлкал. То возле домов. То на мосту. То на фоне поливальной машины.

Крыльцов шёл у самой кромки мостовой. Он понимал, что ночь прошла. Сейчас они расстанутся. А Инна даже не оглядывается на него. Вон как щебечет... Талант и поклонники...

Чёрт возьми, а она ведь и впрямь талант. Каков танец! А главное — на ходу ведь придумала. Сама, считай, в эту скрипку превратилась... Но неужели... Неужели всё вот так и кончится? Сжималось сердце. Нет. Невозможно... Он уже не мог без неё. Слишком сильно. Слишком жестоко для мимолётности. Нет. И потом, у него же её босоножки. Вот они, в руке болтаются. Страшной войны... Впрочем, что они ей? Только выкинуть. И что он ей, если подумать... Господи, как гудит голова. Скорее бы спать лечь... И тут его догнал Игорь Смолин.

— Ну? — насмешливо спросил он. — Любишься произведённым эффектом? — и обвёл рукой всех идущих впереди. — Серый, это бомба! — прошептал он, сверкнув на него глазами. — Это... Феерия какая-то!

— Чего?

— А! — махнул рукой Игорь. — Неважно. Серёга, все потрясены. Народ в очумении...

— И ты?

— И я! — согласно тряхнул чернявой башкой Смолин. — Инка, конечно, гений, но сразил меня ты. Не думал — не гадал...

— Уважаешь? — невесело покосился на него Крыльцов.

— Ценю! И завидую!

Стайка девчонок, не останавливаясь и не оглядываясь, миновала перекрёсток и скрылась под липами школьного двора. Ребята дошли до рябинового сквера и сели на скамейку передохнуть. И тут Лёша-Архимед вздрогнул и мелко захихикал.

— Глядите-глядите... Кузьмич-то...

Все подняли глаза. Пронёсся возбуждённый хохоток.

— Ловко... — только и выговорил Игорь.

К протянутой ладони статуи строительной липучкой была прилеплена пустая водочная бутылка. Политическая диверсия! Кузьмич будто предлагал всем проходящим выпить. И, казалось, озоровато подмигивал.

— Рогов, что ли? — тихонько спросил Смолин у Крыльцова.

— А кто ж? — пожал плечами Сергей. Ему было совсем не до смеха.

— Серёга, Игорь! — позвал Лёша-Архимед. — Пойдёмте хоть торт добьём...

— Между прочим, там ещё кое-что осталось... — с пьяной убедительностью заявил Сева.

— Во... — поднял палец Дима. — Устами младенца и Кузьмича... Пошли, что ли?

— Нет, я домой... Хорош, нагулялся... Башка чугунная... — поморщился Сергей.

— Ясно... А? — указал глазами на босоножки Носов. — Разберётесь? Ну, бывай...

— Счастливо... — и Крыльцов еле успел перехватить Инкины босоножки в левую руку. Начались рукопожатия, хлопки по плечам. Сева даже поцеловать наладился, но был бережно удержан и отодвинут. Ребята двинулись в сторону школы. Только Носов будто раздумывал, колебался, но, резко махнув рукой, зашагал вслед за ними.

Медленно и сутуло, низко опустив голову, уходил Крыльцов домой. В висках шумело. И сами собой сжимались в злую бледную нитку губы. Не от обиды. От недоумения. Ну почему, почему она даже не обернулась? Будто и вовсе не было его для неё. А может, вообще ничего не было? Всё приснилось? Зачем ей всё это нужно было? Только чтобы научиться целоваться? Бред какой-то... — чуть шевеля бледными губами, говорил сам с собой Сергей. Нет. Всё было. И было не зря. И её порывистые губы. И головокружительный лепет на мосту. И жаркое дыхание после танца на площади. Это просто не могло быть понарошку. Может быть, он что-то сделал не так? Разочаровал? Обидел? Ну, нет. Не хватало ещё себя винить. Фиг вам!

Внезапно выпрямившись и расправив плечи, он бодро сбежал с моста на свою улицу. Аж посвежело на душе. Вот и правильно. Так и надо. Нечего из-за них носом землю пахать. Много чести! И уже размахнулся, чтобы забросить злополучные босоножки в речку, как вдруг...

— Серёжа! — не зов даже, а вскрик, на всхлипе, на срыве голоса заставил его крупно вздрогнуть и медленно обернуться. Из-за угла тёмного забора медленно, будто бояливой ощупью, выплыла Инна. Она то и дело балансировала и неловко взмахивала руками. Ёлки-палки, тут же щёбёнка! Острая, через туфли — и то чувствуется, а ей-то, бедной, каково! И,

позабыв всё, вихрем рванулся к ней. Подлетел — и застыл, не зная, что сказать. Она стояла перед ним, болезненно закусив нижнюю губу, и спелые вишни глаз были темны и вопрошительны.

— А я думала... Ты ушёл. Совсем ушёл, — прошептала она, медленно, как в невесомости, положила руки ему на плечи и вдруг молниеносным прыжком бросилась ему на шею. И повисла, крепко обхватив его ногами. Ему показалось даже, что Инкины пятки тепло стукнули друг об друга чуть ниже его зада. И уткнулась лицом в его шею.

С хрустальной вазой наперевес...

И снова потерял ещё недавно большую голову Крыльцов. Он крепко обнял Инку, будто к самому сердцу прижать хотел. И бормотал, бормотал ей что-то несусветное, то и дело целуя в ухо... Пока не услышал её измененный голос.

— Серёжа... Прошу тебя... Отнеси меня... Домой.

— А... Ага, — глупо каркнул он. — Но ты...

— Больно... — прошептала Инна. — Я ещё там... На площади... Ноги об асфальт изодрала... А тут... Не могу... Серёжа, я всё это для тебя. Я для тебя танцевала... Ты это понял? Ты понял, тупой?

— Понял... Сразу понял... Инка, ты чудо... Ты...

— Ага... — вздохнула она. — А теперь неси... Нет, не так... Поставь меня... Ой... Вот так. Теперь перехватывай... Да, под коленки... Молодец... И неси. Только ко мне домой, слышишь? Крыльцов, прошу тебя, без глупостей, ладно?

Шаг. Шаг. Шаг. Медленно. Плавно. Нет, не невесомая она. Отнюдь. Он донесёт, конечно, но... Но об этом не очень думалось, потому что Инна, крепко обняв его за шею, то и дело прикидала к его губам. Отрывалась, запрокидывала голову, долго испытующе глядела ему в глаза и снова... Шагал Крыльцов — и причудливой каруселью вращалось вокруг него утреннее небо, заборы, палисадники. И звенели пряжками несчастные босоножки, ви-

севшие на его скрюченном пальце. Отваливались руки. И, если б не это, он шёл бы так сколько угодно. Хоть вокруг земли. Мечты сбывались...

Вот и прогон меж глухими заборами. Узкий, двоим еле-еле разойтись. Вполоборота, боком, еле умудряясь балансировать, шёл по нему Сергей. Вокруг одни калитки, таблички о злых собаках и спелые красные кнопки звонков. Инка, повернув голову, хулигански прищурилась и потянулась правой ногой к ближайшей кнопке. Крыльцов успел сманеврировать, и её большой палец еле слышно чиркнул по доскам. Но злая собака услышала и зашлась тоненьким писклявым тьяканьем.

— Ну вот, теперь ещё и заноза будет... — картинно надула губы девушка.

— Вытащим... — сквозь зубы, уже не скрывая натуги, процедил Сергей.

А впереди уже виднелась Советская. И жёлтый автобус, звонко погромыхая, стоял у остановки.

— А вон там я и живу... — прошептала Инна. — Опускай... Ну, не дури, Серёжа... Соседи увидят, не надо. И так видок неслабый, не знаю, как выпутываться буду...

Крыльцов опустил. Нехотя. Но и не без облегчения. И тут же, не удержавшись, поморщился от тупой боли в разгибаемых руках. Инна осторожно взяла его за локти.

— Спасибо. Ты молодец. Ты... — и, склонясь, поцеловала его руки на локтевых сгибах. Почти как он её колени на мосту. Но он был тогда без памяти. А она, кажется, в полном уме. Даже слишком. Тем загадочнее и страннее.

— Инка... Ну неужели... — с трудом выговаривал он онемевшими вдруг губами. — Неужели ты вот сейчас уйдёшь — и всё? И всё кончится? Как сон...

— Да почему? — сдержанно улыбнулась она, и вовсе не девчоночья умудрённость чуть притемнила её лицо. Ладонки, как погоны, легли на его плечи. — Не захотим — не кончится. Ну... До встречи!

И, привстав на цыпочки, крепко впиалась в его губы. Уже умело. Так, что у Крыльцова закружилась и без того слабая голова.

— Платок... — еле выговорила Инна, отор-

вавшись от него. — Платок есть у тебя? Дай... Помаду вытру...

— Ты... Мы ещё... — силился выговорить он после, но Инна легонько коснулась его губ.

— Да, Серёжа. Да. И... И всё. Я побежала... Пока! Ой! Чуть не забыла!

Выхватила из его руки босоножки, повернулась, выскочила из прогона и, косолапя и прихрамывая, перебежала улицу. Махнула ему неуклюже — и исчезла за калиткой не видного с улицы дома. А Крыльцов в полном одурении опустил на лавочку у автобусной остановки. Его охватило тягучее болезненно-сладкое расслабление, перед глазами всё плыло и качалось, сердце так и захлёбывалось в груди. Минут пять сидел, согнувшись и опустив голову, будто животом маялся. Разогнулся. Встал. На припухших губах вспыхивала и гасла восторженная улыбка. Хотелось идти, дышать полной грудью — и смеяться. Он так и шёл. Дальним кружным путём, мимо моста, мимо того угла, где догнала его Инна. Шёл, смеялся — и чувствовал удивительную бодрость. Бессонной ночи как будто не было. Только руки в локтях побаливали. Нет, всё было. Было! Так волшебю. Так неожиданно... А завтра... Нет, лучше не загадывать. Боязно... и сладко. Аж сердце заходится. Будь что будет. Уже не страшно. Уже можно. Он будто вырос за эту ночь. На целую голову вырос. И не узнавал себя. Шёл, улыбался во всю ширь и бормотал сам с собой какие-то бессвязности. И нежаркое, сонное ещё солнце играло с ним в смешливые переглядки из-за густых крон вековых лип на берегу реки...

...Крыльцов сидел на сундуке и улыбался, зажав в руке два старых пятака. Как тогда — во всю уже чуть щербатую ширь, светло и искренне. Так, как не улыбался уже лет двадцать. Встреча... Загадал встретиться с детством, а вышло — с юностью. Нет, он никогда не забывал о той ночи. Но эти волшебные пятаки оживили в памяти мельчайшие детали. Даже бледные пятна от мазута на Инкиных ступнях... Да! Там, на бельевых мостках, она долго оттирала их пучком травы, а он сумасшедше глазел на неё. Так, что она замерла вдруг, поднялась с

корточек, поглядела на него долго и вопросительно, заморгала и отвернулась. Смелая — и стыдливая. Порывистая — и нежная...

Защипало в носу, и Сергей, фыркнув по-лошадиному, крепко встряхнул головой. Надо же, как проняло... А всё они. Он разжал ладонь. Тяжёлые, тусклые, тёплые от его руки пятаки глядели на него лениво, вальяжно и, показалось ему, насмешливо, будто знали себе истинную, невыдуманную цену. Один — 1984 года, другой — поярче — 1987-го. Для них в то послевыпускное утро остановилось время. Забытою сдачей с полтинника они были рассеянно изъяты из оборота великой державы и не увидели дальнейшего её позора. Нет, он с ними больше не расстанется. Придумает для них почётное место... Солидно звякнув, монеты упали в карман брюк. Крыльцов бережно уложил пиджак на прежнее место. Нет, не для него эта работа — сундуки перебирать. Это надо быть совсем без памяти. Или без сердца... Мать честная, а он, кажется, ещё и без глаз! Вон она, штормовка-то, на двери висит, на гвоздике! И зачем он, спрашивается, полез в этот сундук? Закинув её на плечо, Сергей неторопливо вышел из дома, рассеянно шурясь. Нет. Сундук памяти просто так не захлопнешь, пока не вспомнишь всего.

Дальше он вспоминать не любил. Но что было, то было. На каждую сладость всегда найдётся горчинка. И такая ядрёная, что поневоле подумаешь, не дороговато ли эта сладость обошлась.

Кому быть битым?

Он уже подходил к своему дому, как вдруг навстречу ему прошагали... Нет, пробежали незнакомые мужчина и женщина. Мужчина был крупный, высокий, плечистый, с длинными и тяжёлыми руками и грубоватым грузчицким лицом. На нём неуклюже сидел мятый спортивный костюм. Женщина маленькая, круглая, в кофте и серой юбке, с высоко заколотым коротким хвостиком тёмных волос, отчего вся она походила на репку. Но глаза её были злы и отчаянны. Сергей мимо-

лётно пожал плечами, нахлопал в кармане ключ и шагнул к калитке. И вдруг...

— Крыльцов? — крикнул ему вслед задиристый женский голос. — Ты Сергей Крыльцов?

Он обернулся. Мужчина и женщина грозно надвигались на него. Мелькнула нехорошая, но довольно простая догадка. Он застыл, сжимая ключ в руке.

— Говори, где наша дочь? — женщина шла первой, как маленький танк, напролом.

— А вы... — пробормотал Сергей, не зная, чего ждать в следующую минуту.

— Наша дочь. Инна. Инна Полунина. Где она? — наседала женщина.

Мужик выступил из-за её спины, сжимая кувалдообразные кулаки. Крыльцов лихорадочно соображал, что ему делать, если тому вздумается драться. Шансов никаких. За воротами стоит увесистый дрын, служащий засовом, но ворота заперты, не успеть... Бежать? Нет уж. От своего дома он никуда не побежит. Не ожидая от себя, он распрямился и развернул плечи, не отводя глаз от опасных гостей. И в этот короткий миг и впрямь показался себе выше на целую голову. Сердце колотилось. Начинали подрагивать руки. Но надо было отвечать.

— Инна? — насколько мог спокойно переспросил он. Только не срываться. Только не орать... — Инна давно дома.

— Где — дома? У кого дома? — сделал ещё один шаг, нависнув над ним, мужчина. Голос его был хриплый, усталый, но грозный. Ох, каких сил стоило Крыльцову не отступить к забору! Но он стоял, трусил, но не мигая глядел на него.

— У себя дома. Советская, 21. Это же ваш адрес? Я проводил её и вот... Иду домой.

Полунины переглянулись. Сергей уловил замешательство и почувствовал, что дело, кажется, обойдётся без расправы.

— Проводил, говоришь? — ехидно покачала головой Полунина. — Это так у вас теперь называется? Тебя же видели! Видели, как ты её от моста на руках нёс! К себе домой! Ну? Что скажешь?

— Да, нёс. Там щёбёнка была, а она босиком — больно... А потом прогоном прямо к вашему дому на Советскую. Вот и всё... — с недоумени-

ем выговорил он. С возмущением даже. А в голове свивался кольцами и выросстал огромный вопрос: кто?

Полунины снова переглянулись. Нет, не быть ему битым. Не быть...

— И ничего между вами... не было? — резко, с вызовом, бросила мать.

— Ничего такого, на что вы намекаете, не было, — твёрдо, со смелой уже расстановкой отчеканил Крыльцов. — Обо мне вы можете думать что угодно. Но Инну-то вы знаете. Разве она...

— Ещё и возмущается, погляди-ка! Бесстыдник! Бродили чёрт-те где, целовались в засос... А на мосту срамоту какую устроили! Как она оказалась босиком и без колготок? — выкрикивала ему в лицо Полунина. — Это ты её раздел? Говори, а то сейчас же в милицию!

Инкин отец легонько тронул её за руку. Успокаивающе. Кажется, он и драться-то вовсе не собирался. Так, пугал.

— Ты, парень, пойми правильно, — всё ещё грозно и хмуро, но уже мягче пророкотал он. — Дочь у нас одна. Мы в городе на кое-каком виду... И вот она едва не голяком разгуливает по городу, да ещё и на площади отплясывает, как... Перед всем честным народом. Что прикажешь думать?

— Да ты с ним не рассусоливай! — всё ещё ярилась мать. — Как нам теперь людям в глаза смотреть после срамоты такой? Ну! Рассказывай! Или пошли!

— Пойдём, если хотите... Объяснюсь и в милиции, мне бояться нечего, — пожал плечами Сергей. — Только зачем? Да вы заходите, чего на улице-то? — и шагнул к воротам.

— Нет уж! Говори здесь! — гораздо тише отрезала мать.

— Хорошо. В мазут она наступила, темно было, не увидела. Еле отмылась в речке. Колготки выкинуть пришлось, а туфли... Сами увидите, я их керосином хотел, она отказалась... А на площади... Да инсценировка это, для одноклассника нашего, он в девятиэтажке живёт, ногу сломал некстати... Девчонки давно готовились... — говорил Сергей, а в голове так и стучало: кто? кто? кто?

— А на мосту? — прищурясь, перебила мать.

— А что — на мосту... Ну, захотела посидеть на столбике. Когда ещё, если не в выпускной вечер...

— И даже не целовались? — выпалила мать.

— Так... Легонько... Оказалось, что мы не умеем... — пробормотал Крыльцов и впервые за весь разговор отвёл глаза.

Тут с Инкиным отцом что-то случилось. Он скривился так, будто собирался чихнуть, закрыл лицо своей медвежьей лапой и отвернулся. Плечи его заметно перетряслись. Он откашлялся и повернулся к Сергею. Воспалённые глаза смеялись.

— Выдрать вас обоих надо, вот чего... — буркнул он.

— А вы правда хотели меня побить? — не сдержался Крыльцов. Но Полунин лишь ухмыльнулся недобро.

— Честно? Не хотел. А вот теперь хочу. Только не тебя. Пошли, Альбина... — и повлёк жену от ворот за руку.

— Ну, гляди, Крыльцов! — обернулась Полунина, желая, видимо, оставить за собой последнее слово. — Гляди, если узнаю...

— Пошли, пошли... — страдальчески проворчал муж.

— До свиданья, — поклонился им в спины Сергей.

Вошёл, захлопнул калитку, привалился к ней спиной и судорожно перевёл дух. Обошлось... Он удивительно хорошо держался. Прямо-таки геройски, и откуда взялось-то... Впервые такое. Вот только на поцелуях спасовал. Но не говорить же им было... А мамаша-то у Инки боевая... Альбина... Ну и имечко!

А Полунины, обогнув его забор, шли по соседней улице, и слышно было, как запоздало разоряется отец. Он то оправдывался, то возмущался. Расслышать дословно было нельзя, из-за забора неслось лишь невнятное «ду-ду-ду», но после донеслось вполне отчётливо:

— А этот-то гадёныш хорош! Прибежал, перебудил... Ну, попадись! Такого леща задам...

— Да тише ты! — шикнули в ответ. — Мало сраму натерпелись?

Крыльцов аж отвалил челюсть. Лучше б он этого не слышал. Гадёныш... Прибежал... Перебудил... Вон оно даже как! Если б кто из дев-

чонок, наплевать бы и забыть, но тут... Тут уже вопрос чести. Это надо выяснить... Выяснить немедленно. Но кто, кто?

Сергей нервно заходил, а потом и забегал по двору. Кто из ребят знает его адрес? Да все, кто был. Юрка, Димка, Игорь... Бред какой-то, зачем им? Противно, стыдно и даже страшно было подумать на кого-то из них. Но ведь кто-то это сделал! Сделал сознательно и прицельно, прекрасно зная о последствиях. А если бы и впрямь он понёс Инну на руках к себе домой? Крыльцов крупно передёрнулся. Интересно, догадался бы он запереть калитку и входную дверь? Вряд ли. Ох, что бы было... Ну, сволочь! Но кто же всё-таки? Кто?

В ярости он задел низкую ветку яблони, и она обдала его холодными брызгами. Сергей выругался и встряхнулся. Вернулась логика. И будто тихий спокойный голос мерно зазвучал в его голове. А кто то и дело появлялся у вас на пути? Кто видел, как вы ушли в сквер? Кто видел эти художества на мосту? Стоял Крыльцов под яблоней, беззвучно шевелил бледными губами и понимал, что от ответа никуда ему не деться. Хотелось зажать уши, стукнуться хорошенько обо что-нибудь головой, лишь бы заставить этот проклятый голос замолчать. Это было невысказано. Невозможно. Лучший друг. И какой ему смысл? Зачем? «Целовались всасос...» Он что же, следил за ними? Бред! Паранойя какая-то!

Но понимал Сергей, что от всего этого просто так не отмахнуться. И с мерзким ощущением смачного, размашистого плевка в самую душу, в самое святое, тоже ничего нельзя было поделать. Никак. Рухнул на скамейку под яблоней, успокоился, закурил. Нет. Такое нельзя проглатывать и прощать. Никому. Он просто расскажет Смолину обо всём только что случившемся. Только расскажет — и всё. Поделиться переживаниями, так сказать. А дальше — видно будет. Ерунда, конечно, полнейшая. Но с кого-то ведь надо начинать? С кого же, если не с первого друга? Вперёд, Крыльцов...

Вбежав в дом, он глянул в зеркало, зловеще хмыкнул и причесался. На спинке стула висел так и не надетый им галстук. Ага. Вот теперь он ему пригодится... Явится в полной форме. Как

гардемарин. Зачем нужен был галстук и при чём тут гардемарин, он и сам не понимал. Но затянул узел и бережно выровнял его под воротником. Пиджак на все пуговицы. Вот так. Немножко помятый, но это ничего. Всё равно впечатляет. Взгляд зацепился за игрушечный мушкет, висевший на ковре, память о детстве. Две пули, больше ничего... И Сергей улыбнулся. Зло и остро. Одними уголками рта.

Герой и антигерой

Смолин открыл ему дверь на удивление быстро. Открыл — и чёрные колючие глаза испытующе уставились на него. Игорь был полугол, в поспешно натянутых тренировочных штанах. В глазах усталость, но ни капли сна.

— Не разбудил? — на всякий случай спросил Крыльцов.

— Да нет... — отмахнулся и страдальчески скривился Смолин. — Не успел... Ну, утречко... Пока этих архаровцев по домам растащил, чуть концы не отдал... Набодались как поросята. Хорошо, что ты ушёл... — и опять с вопросительным недоумением взглянул на Сергея. — А чего это ты такой... Важный? При селёдке... Разговорец? Хм... Ладно, погоди, хоть рубашку напялю. И во двор пойдём. А то родители спят... Вырядился, чёрт его знает...

Сунул ноги в полукеды, и через пару минут они уже сидели во дворе у заботливо ухоженной клумбы.

— Ой, мамочки, как же я вымотался... — массировал виски Игорь, не переставая осторожно поглядывать на Крыльцова. Беспokoил он его чем-то. — Ну, выкладывай, чего уж...

— Игорь, вот что... Ты видел, как Инка домой уходила? — говоря это, Сергей встал со скамейки и жёстко взглянул на понурого Смолина. Но тот сидел, свесив голову. Видно было только, как сжались на миг его губы.

— Видел... Она быстро ушла. Я проводить хотел, да она только отмахнулась. Ноги-то совсем побивала, бедная... Вон что делается-то, Серый... — со вздохом покачал он головой.

— А других провожалыщиков не было? Игорь прыснул.

— Н-да, любовь зла... — пробормотал он. — Нет. Не беспокойся. Меня отвергли, а остальным не до того было. А чего? Случилось что-нибудь?

— Она меня догнала. Когда я с моста уже спустился...

— Отлично... — пожал плечами Игорь. — Я так и думал. Ещё вслед ей крикнул, догонишь, мол. Угадал...

— Я проводил её домой... — продолжил Крыльцов. И тут Смолин резко поднял голову. Без испуга. Даже с лёгким азартом, как бывает, когда дело приобретает неожиданный оборот. Глаза были чуть удивлены.

— Домой? Молодец... — пожал он плечами. — Рыцарь... Истинный кабальеро... Слушай, а на кой чёрт мне всё это знать?

— Для сведенья. Ну а потом иду домой, и у самых ворот... — и Сергей спокойно, без малейшего волнения в голосе передал произошедшую сцену. От встречи до расставанья.

— Хм... — помолчав, буркнул Игорь. — Дёшево отделался. Но... Ну и что? Ты разве не допускал... такого?

— Не думал, что так быстро...

— Донесут? — энергично подхватил Смолин. — Ты где живёшь, Серёга? В большой деревне живёшь! Все всё знают. Все услужливые, когда не надо. Да чего там, любая девчонка... — и безнадежно махнул рукой. — Ты заметил ведь, что Инкины выкрутасы на площади не всем понравились?

— Игорь, всё сложнее, — поморщился Крыльцов. — Слушай дальше.

— Вот так да... — озадаченно поскрёб в затылке Игорь, когда Сергей, тяжело вздохнув, замолк. — Однако... И правда, гадость выходит. Слушай, но ведь этот самый гадёныш мог быть и не из наших... Мало ли, с улицы...

— Игорь, а подробности? Такое ощущение, что кто-то ходил и следил, понимаешь? И адрес мой. Откуда? Нет, это не чужой. Кто-то свой и близкий, вот в чём пакость-то...

— Хм... Знаешь, Серый? Если так, то первый кандидат — я. Верно? — бесцветно ухмыльнулся Смолин. — Да говори уж, не обидишь. Ты ж за этим пришёл... Такой загадочный... — и, цвиркнув, длинно сплюнул под ноги.

— Брось. Я просто знать хочу... Хочу знать, что ты об этом думаешь. И что мне делать. Делать-то надо что-то, Игорь! Нельзя так оставить!

— Ну, я и говорю... — спокойно пожал плечами Смолин. — Виноватых ищешь. Для показательной расправы. Я понимаю, Серёга, ты — искренний человек. Ценю. Но подумай хорошенько: оно тебе надо? Тебе легче, что ли, станет, если ты всё узнаешь? Тебе это прибавит радости?

— Не знаю... — вздохнул Крыльцов, тяжело опускаясь на скамейку. Прав был Смолин. Как всегда, прав. Ох, как хотелось согласиться! Но не получалось...

— То-то. Дело-то, как ни крути, прошлое уже. Всё. Ушёл поезд. Так что пусть остаётся на совести. Всё равно даром не пройдёт, отольётся рано или поздно... Не связывайся, не порть нервы, ну его!

— Нет, Игорь. Нет. Нельзя так. Нельзя! — вскочил Сергей. — Десять лет! Представляешь, десять лет я жил бок о бок с этим гадёнышем! А он рос, креп, вырос в крупного подлеца и на прощанье устроил... Вот такое! Я в глаза ему взглянуть хочу. Мне интересно, как такими становятся...

— Чистейший эгоизм, Серёга. Я хочу... Мне надо... Мне интересно... — скучным голосом передразнил Игорь.

— Да иди ты... Мне-то что? А с Инкой что будет? Ты подумал? Это не мне в рожу плюнули! Это ей! Вот о чём речь-то! — эмоционально тряс перед Смолиным руками Крыльцов. Только что не заламывал.

— Погоди, погоди... — поднял голову Игорь. — Да не маши руками, а то меня стошнит... Вот тут давай-ка подробнее. Ты об Инке подумал. Что с ней будет. А всю ночь до этого ты о ней не думал? Наплевать было? Ты сам-то всегда ли с ней был... благороден и возвышен?

Крыльцов пожал плечами и сел рядом с ним.

— Во всяком случае, сознательных подлостей я не делал, — после долгой паузы произнёс он.

— А судьи кто... — мимолётно пробормотал Игорь. — Ну, считаешь себя вправе судить — валяй. Так... У тебя монетка есть?

— Позвонить, что ли? Нет? Пятачок был где-

то... — растерянно захлопал по карманам Сергей. — Пойдёт? Держи...

— Угу... То, что надо.

Игорь встал, подошёл в вялую развалку к поливочному крану у дерева. Кран был без маховичка: его носил с собой дворник, чтобы дети не баловались с водой. На его штопуре была зачем-то сделана прорезь, как для отвёртки. В неё-то и вставил Смолин крыльцовский пятак. Повернул — и тут же подставил косматую нечёсаную голову под пульсирующую и фыркающую струю. Он мотал башкой, пыхтел и то и дело искоса взглядывал на Сергея. Будто ждал чего-то. Или время тянул. А кран шипел. Сыто, прохладно и вкусно. Будто поливал его не простой водой, а благодатной свежей газировкой.

Через пару минут он уже снова сидел на скамейке и тряс по-собачьи головой. Мокрый пятак вернулся в карман Крыльцова. А Смолин, пригладив чёрные патлы, наконец-то решился.

— Ну, слушай, — зажато ухмыльнулся он. — Я, конечно, рискую... Но хочу, чтоб ты знал... Да не глазей ты на меня умирающим лебедем, а то разревусь, на колени бухнусь и целоваться полезу...

Крыльцову было и вправду худо. Он, конечно, давно уже всё понял. Отчаянно молотило сердце. В голове ворочался путаный-перепутанный ком отрывочных мыслей-выкриков: Стой! Молчи! Не надо! Зачем я всё это... Но, как только Смолин заговорил, непонятная сила стала вдруг отодвигать Сергея на противоположный край скамейки. Уж слишком всё это было странно и гадко.

— А для начала скажу тебе: дурак ты отменный, Серёга. Я ж за вами по пятам ходил. От и до всё видел. Всё-всё. Так-то. По минутам расписать могу, если хочешь... — глуховатым, с показной ленцой голосом вещал Игорь, но лёгкая дрожь выдавала его волнение. Нет, он ничуть не боялся крыльцовских кулаков. Это его, кажется, совершенно не беспокоило. Он боролся с собой. — Я и у Кузьмича вас видел, на скамеечке. И там, под фонарём... В упор на вас глядел из-за кустов, чуть не заржал, когда вы от деда того улепёгывали... Умориша!

Судя по его лицу и голосу, вряд ли он тогда даже улыбнулся. Последние слова он выговорил так, будто речь над гробом произнёс. Крыльцову бы вспылить, вскипеть, взбеситься, но не вспыхивало, не взрывалось в нём ничего. Ему казалось, он слышит, как впустую чиркают где-то в его груди отсыревшие спички.

— Игорь, а на кой? — выговорил наконец он. — Зачем тебе всё это... Что за интерес?

— Интерес? — осклабился Смолин. Почти осклабился, ибо на улыбку это ну никак не походило. — Интерес... Серый, а тебе никто не говорил, что ты... Ну, как заводной танк, а? Прёшь и прёшь, пока завод не кончится или в стенку не упрёшься? И ни хрена вокруг не замечаешь. И встречные-поперечные тебе побобку: ногу отдавишь, сшибёшь — и не заметишь. Не говорили? Жаль. Понимаешь, я... В общем, понял однажды, что люблю Инку. Ещё с полгода назад. Серый, я с ума сходил. Я горел живьём. Я... А, да что там! — безнадежно махнул он рукой. — Ты ж не видел. Ты вообще кроме себя никого не видишь...

— Да. Я и правда ничего не видел... — повёл плечами Крыльцов. Ещё вчера он, может, и удивился бы. Сегодня — нет. Сегодня он уже знал, что влюбиться в Инну без памяти — это очень просто. Но влюбиться светло, самозабвенно и бесшабашно. А Игорь, видимо, влюбился как-то иначе. Это и поражало.

— Ещё бы! — прошипел Смолин. Он будто раззадоривал себя, подогревая злость и желчь. — Тебе всегда было наплевать. Тебе и на Инку наплевать. Пошалили — хорошо. Ещё пошалим. При случае. Не так, скажешь?

Сергей снова неопределённо двинул плечами. Он не мог сказать, что это не так. Потому что не был в этом полностью уверен. Иначе тут же встал бы и ушёл. Но Смолин будто в душу ему глядел.

— То-то и оно. А для меня это... Для меня она... — тут он как задохнулся, аж всхрипнул — жадно, сдавленно, — и поднял раскрытые ладони, как в молитве, над головой. — Как воздух... Как солнце... Понимаешь? И каково мне было... Впрочем, где тебе...

— Ладно... — вздохнул Крыльцов. И в самом деле было тяжело. — Но раз я и в самом деле та-

кой дундук, почему ты молчал? Зачем было гордиться такой огород? Неужто там, на лестнице, трудно было хоть пару слов шепнуть? Неужели я бы не понял?

Но Смолин лишь ухмыльнулся. Какой-то совсем чужой, незнакомой, кривой, пугающей улыбкой. Такой, когда не поймёшь, рассмеётся сейчас человек или зарыдает.

— Бессмысленно, Серёга. Бес-смыс-ленно... — отчаянно проскандировал он. — Незачем. У меня не было никаких шансов. Ни-каких! Я объяснялся ей. Раза три... А она... Каждый раз благодарила. Целовала... В щёчку. И предлагала остаться друзьями. Ты понимаешь, что это значит? А вчера, когда ты из столовой вышел, я её в коридор выманил. Слово за слово... Ну и ляпнул сдуру — для кого ж ты тогда вырядилась-то? А она глянула этак, знаешь, свысока: увидишь! И этой своей походочкой... — шумно сглотнул Игорь и покосился на Сергея. — По коридору... Знает ведь, что вслед не побегу... Ух-х... — мучительно простонал он и саданул себя кулаком по коленке. Сильно. Крыльцова аж трянуло. Ему потихоньку стало страшно.

— А потом... — сдавленно выдохнул Смолин. — Потом Юрка на меня наскочил, Носов. Ну и рассказал, как вы там у окошка стояли. Очень красиво... Даже сфотографировал, говорит. И вот тут, понимаешь, закувыркалось всё во мне. Как переродилось... И так чудно... Вот чувствую — с ума схожу. Такого сейчас натворю — сгинь, душа. А не страшно. Ни капельки. Наоборот, интересно даже...

И Игорь вдруг резко подскочил и передвинулся почти вплотную к Крыльцову.

— Серёга... — часто задышал он ему в самое ухо. — Ты скажи... Как? Как это всё у вас получилось-то? Это... Она к тебе подошла?

— Нет. Я. Но... без всякой мысли. А дальше само как-то покатило, не знаю... — пробормотал Крыльцов, пытаясь отодвинуться, но куда было: разве что со скамейки грохнуться.

— Вот... — опять хлопнул себя по коленке Игорь. — Вот не понимаю! Ходил за ней, ходил, как дурак, полгода... — тут его голос внезапно осип и зашатался. — Цветы... Шоколадки... Мороженое... Всё зря! И вот появляется какой-

то хрен с горы и ему — всё и сразу! С подтанцовочкой! Серёга! Ты-то хоть понимаешь, что со мной творилось?

Крыльцов в очередной раз пожал плечами. Он не понимал. И не верил в такое помрачение ума. И главное — с Игорем это совершенно не вязалось. Никак.

— Тоже ответ, — саркастически хихикнул Смолин. — Вернее, твориться потом начало. Когда я увидел, как вы по лестнице спускались. Оба красные... Да у вас же на рожах всё написано было! Вот тут-то меня подхватило — и понесло... Где уж там было пару слов шепнуть!

— И ты, значит, так всё время за нами и ходил? — процедил сквозь зубы Сергей.

— Ага! — почти даже весело отозвался Игорь. — Так и ходил! Не выдержал только твоих коленапреклонений на речке... Вроде и остыл уже, и опомнился... Уйти бы от греха... Так нет, вздумалось тебе её на мосту в коленочки целовать... Ты... — скрипнул зубами Смолин. — Ты хоть знаешь, как я об этом мечтал? Ты...

— Игорь, погоди... Ну не сходи ты с ума... — пробормотал Сергей. Он уже всерьёз боялся его откровений.

— В том-то и дело, Серый... — с болезненным вдохновением прошептал Игорь. — В том-то и дело... Я и ходил-то за вами зачем? Чтобы больнее было. И... слаще. Я только тогда и понял, что так бывает. Ох, и чувство, доложу тебе... Это... — и он облизнул пересохшие губы. Сладко облизнул. Крыльцов медленно поднялся и отвернулся. Чудовищно было то, что весь этот бред не вызывал у него безусловного отторжения. Где-то на самом дальнем отшибе сознания он понимал Смолина.

— Противно? — раздался в спину торжествующий голос. — Ничего... Знай. А главное-то, Серый, и не в этом даже. Инка меня видела. Несколько раз видела... Точно, видела, в упор глядела. А ты не знаешь. Как тебе?

Крыльцов резко повернулся. Игорь весело глядел на него. Вот-вот подмигнёт понимающе. Арлекин. Белый клоун. Вот на кого он был сейчас похож.

— Врёшь. Хочешь мне насолить — и врёшь. Но как ты додумался... Поквитаться с ней вот так? Пошёл к родителям и... Неужто даже не

дрогнул? — глухо, как сквозь жестокую головную боль, спросил он.

— Дрогнул? Вот ещё! Я увидел, как ты её на руках понёс... Ну, меня и накрыло опять. Я ведь думал... Ну, ты понимаешь... Но не с ней поквитаться. С собой. Чтоб навсегда всё это отрезать. Чтоб не подходить к ней больше... А то ж я бесхребетный, опять побегу в ногах валяться... — и красные, влажные, горячие глаза Смолина улыбнулись вдруг. Красиво — и страшно.

— Промахнулся... — вздохнул Сергей. — Не вышло сцены...

— По вам промахнулся... Слава богу. А по себе — нет. В точку, Серёга. В самую нужную точку. Ну, а теперь — бей. Заслужил, — и мгновенно остывшие глаза вскинулись и остановились на лице Крыльцова.

Было страшно. Он впервые понял, какой это ужас — видеть, как человек сходит с ума. И ещё кое-что понял. Он не сможет его ударить. Не сможет — и всё.

— Слушай... — чуть перевёл дух Сергей. — Тут не вяжется... От их дома до меня пять минут через прогон. Они бы запросто нас перехватили, если бы там пошли. Но их, кажется, в обход понесло... Странно!

Игорь пронзительно поглядел ему в глаза, а потом вдруг поник, ссутулился и мелко захихикал.

— Они и хотели... Торопились очень, а я им сказал, что там перекопано. Я ж так и думал, что ты её к себе поволок! Вот и хотел, чтоб вы успели... Чтобы вы всё успели и вас застали. Голенькими да тёпленькими! Ну? Всё теперь ясно?

И только тут Крыльцов вспыхнул. Неярко. С копотью и дымом. На миг перевернулось всё в глазах, он замахнулся было на Смолина, но тот даже не сморгнул, готовый встретить удар. А вот ударить-то запала и не хватило. Не из благородства вовсе. И даже не из брезгливости. Было ещё какое-то чувство, которого он ещё не понимал ясно. Сергей лишь с разворота крепко толкнул его в плечо, и Игорь, дрыгнув ногами в воздухе, завалился со скамейки назад, головой в цветы. На скамейке остались только ноги в драных полукедах.

Крыльцов тягуче сплюнул и, подавляя накалившую тошноту, повернулся и ушёл навсегда из этого двора.

Сутулый, вымотанный и опустошённый шёл Крыльцов домой. Шёл, приостанавливался, как дряхлый старик, у каждого угла и тяжело вздыхал. На его глазах лучший друг совершил самоубийство. Не настоящее, но такое, после которого жить по-прежнему уже невозможно. Хорошо, что он не стал его бить. Не надо было и толкать. Клоунада какая-то получилась. Нет. Не стал он за эту ночь на голову выше. Всё-таки не стал. Ему тоже, кажется, не жить по-прежнему. В груди всё болело и саднило, будто вырвали по живому кусок души. И хотелось кричать что есть сил: «Нет! Это неправда! Этого не было!» И в самом деле, не верилось. Ещё час назад был у него друг. Давний и верный. И вот... Ни отчаянья, ни обиды, ни слёз. Одно лишь потрясённое недоумение. Он-то, дурак, думал, что любовь — это всегда светло и высоко. А оказалось... И как уберечься от этого безумия, если даже Смолин не устоял? А ещё его мучили подозрения. Если Игорь не соврал ему, если он действительно ходил по пятам за ними и Инна это видела, то вся эта волшебная ночь выглядит совсем по-другому... Нет. Нет и нет. Выкинуть из головы. Выкинуть — и забыть. Инка здесь уж точно ни при чём. Она была искренней. От начала до конца.

За этим тягостным многодумным разбродом он не заметил, как оказался напротив её дома. Ноги сами понесли его этим путём и, наверное, неспроста. Умнее головы оказались. Сергей выпрямился, приосанился и светло улыбнулся. Ради всего того, что подарила ему в минувшую ночь Инна, можно было вытерпеть всё. Даже такое...

...Вспоминая всё это, Крыльцов с удивлением обнаружил себя стоящим на мосту. У того самого столбика. Всё тут осталось прежним, вот только три остальных чугунных шара бесследно пропали за двадцать лет немислимых передрыг. Интересно, какие легенды сочиняют об этом теперешние школьники? Наверно, уже не такие добрые и безобидные. Жизнь стала куда жёстче и безжалостнее. И страшно даже

представить, чем закончилась бы смолинская выходка, происходи всё это теперь. Да и их с Инкой шалости вряд ли были бы столь целомудренны. Повезло им всё-таки с эпохой. Не надолго, а повезло... В непонятном ступоре стоял Сергей, положив руку на бетонный квадрат. И казалось ему, что он чувствует тепло. Тепло только что соскочившей отсюда девчонки. Где она теперь, Инна? Его смелая и нежная Инночка Полунина? Его первая... Они встретились потом. Целый месяц после его поступления в институт. Но не получилось как-то повторить эту ночь, даже приблизиться к тому самозабвению не вышло. То и дело мешали какие-то условности, непонятные рамки, выдуманные опасения. Всё время казалось, что им в спины дышит кто-то третий. Да и, по правде говоря, поцелуи и тисканья на скамейках были для них уже пройденным этапом. А надёжно уединиться для большего им было негде. Ну не в подъезде же, в самом деле, и не в лесу... Так и дотянули свою замороченную, выдыхающуюся любовь до сентября. А потом Крыльцов уехал учиться, и всё кончилось само собой. Вернувшись в город через несколько лет, он узнал, что Инна вышла замуж и живёт где-то за границей. Кажется, в Египте. Вот тебе и тысяча и одна ночь... Впрочем, хватило и одной, чтобы быть благодарным на всю жизнь.

Примерно в таких словах, с жаром и придыханиями рассказал ему всё это Виталий Швырин. Он считал себя главным счастливецом той ночи. Ведь это для него, подумать только — для него! — танцевала на площади Инна. Да ради такого и обе ноги сломать не жалко! Заблуждаясь в малом, он был прав в главном: его счастье оказалось стопроцентным и ничем не отравленным. Крыльцов, конечно, не стал его разочаровывать. От него же узнал Сергей, что Смолин вскоре уехал из города и до сих пор от него ни слуху ни духу. А вот с Юркой Носовым жуткий конфуз вышел. Плёнку он засветил, растяпа. Ту самую. Цветную. Немецкую. Так что пропали их выпускные фотографии. Вот и не верь после этого в приметы и знаки.

Рассеянно улыбаясь, Сергей медленно дошёл до середины моста, остановился, вынул из кармана мемориальные пятаки и задумчиво подкинул их на ладони. Зачем они ему? Всё равно потеряет. Пусть остаётся только память. Она надёжнее. Крыльцов вздохнул, размахнулся и запустил монеты в речку. Тихий плеск — и лёгкая светлая грусть.

□

Александр Владимирович КОЗИН

родился в 1971 году в Павловском Посаде Московской области.

Окончил филфак Орехово-Зуевского пединститута.

Около 5 лет проработал учителем в школе.

Сейчас редактор оперативной информации на одном из московских телеканалов.

Пишет прозу.

Публиковался на страницах журналов «Север», «Подъём», «Дон»,

«Сибирские огни», «Сибирь», «Наш Современник»,

«Молодая гвардия», «Москва».

Живёт в городе Электросталь Московской области.

